

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Современные образовательные технологии»

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.В. Прохоров

_____ 2021 г.

Уголовно-правовая характеристика убийств, совершенных с особой жестокостью
или общеопасным способом

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2021.91893. ВКР

Руководитель работы

ст. преподаватель кафедры СОТ

_____ С.В. Полякова

_____ 2021 г.

Автор работы

студент группы ДО–538

_____ В.А. Поспелов

_____ 2021 г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры СОТ

_____ Е.Н. Бородина

_____ 2021 г.

Челябинск 2021

АННОТАЦИЯ

Поспелов В.А. Уголовно-правовая характеристика убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом. – Челябинск: ЮУрГУ, 2021, ДО–538, 79 с., библиогр. список – 55 наим., 12 л. плакатов ф. А4.

Объектом выпускной квалификационной работы выступают общественные отношения, вытекающие из преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека.

Цель работы заключается в комплексном исследовании признаков и характеристике убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, в выявлении актуальных проблем и разработке рекомендаций по их разрешению.

В работе определено понятие «убийство» – как состава преступления, рассмотреть историю становления термина в Российском праве; дана общая характеристика квалифицированных составов, предусмотренных пунктами «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ. Выявлены особенности квалификации признаков убийства, совершенного с особой жестокостью и проанализирована квалификация признаков убийств совершенных общеопасным способом. В заключительной части исследования подводятся выводы и указываются рекомендации по совершенствованию законодательства в соответствующей области.

Результаты работы имеют практическую значимость, на основе теоретического анализа правовых норм, регулирующих признаки и характеристику убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, обоснованы предложения по совершенствованию законодательства в соответствующей области, что в свою очередь будет полезным при разработке программ обучения юристов, а также при изучении предметов «Уголовный процесс», «Уголовное право» и других дисциплин, а также выводы и предложения могут найти применение в системе подготовки и повышения квалификации специалистов в области юриспруденции, в организации правового просвещения населения, в научной и педагогической работе при подготовке программ, методических рекомендаций, учебных пособий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ ИЛИ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ ...	7
1.1 Определение «убийство» – как состав преступления, история становления термина в Российском праве	7
1.2 Общая характеристика квалифицированных составов, предусмотренных пунктами «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ.....	21
2 ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ПУНКТАМИ «Д» И «Е» ЧАСТИ 2 СТ. 105 УК РФ.....	37
2.1 Особенности квалификации признаков убийства, совершенного с особой жестокостью	37
2.2 Особенности квалификации признаков убийства совершенного общеопасным способом	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	75

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Защита жизни и здоровья граждан, является одним из важнейших аспектов, гарантированных государством своему гражданину и в России, и в большинстве прогрессивных стран. Доверие людей своей стране и её государственному аппарату во многом зависит от того, насколько государство справляется с выполнением перечня правовых обязательств и в первую очередь той его части, что связана с физическим благополучием и безопасностью человека.

Общество, являясь объединением людей, существование которого направлено на облегчение жизни отдельного индивида, в свою очередь оказывает колоссальное давление на отдельных своих членов, в первую очередь большим количеством особей, нуждающихся в одном и том же, во вторую – большим разнообразием моделей поведения, позволяющим достичь желаемого, но не всегда одинаково легко осваиваемыми той или иной личностью.

Социальный пресс так же усиливается наличием различных общественных групп, разной степени социальной успешности; вариативностью морально-этической составляющей; и мотивировкой основной массы общества не на выживание, а на успех. Государственная надстройка призвана осуществлять эффективную регуляцию общественных процессов, не допуская реализации негативных поведенческих моделей (вредящих обществу).

Подобная регуляция осуществляется через систему права, обеспеченную государственным принуждением. Однако, ни одна из современных правовых систем не совершенна, так как не позволяет достигнуть цели своего существования – снятия внутривидового напряжения, тяжелейшим выражением которого, является физическое уничтожение или самоуничтожение части особей (убийство, самоубийство). Данное несовершенство права можно рассматривать, как следствие отказа человечества рассматривать себя как часть естественной природной среды, подчиняющейся тем же видовым законам, что и иные социальные общности. А также следствием невозможности выйти из ситуации субъективной оценки юридических фактов (люди всегда смотрят с точки зрения людей и дают субъективную интерпретацию), в то время как объективность восприятия и анализа, возможно, способствовала бы выявлению общих причин, в ряде частных случаев.

Современная же правовая ситуация напоминает купирование симптомов, но отказ от диагностики болезни их продуцирующей. Убийство в человеческом обществе, одно из самых тяжких преступлений против личности, как уже упоминалось ранее, наиболее яркий симптом внутривидовой конкуренции людей. Поэтому изучение этого социального феномена, является одним из важнейших направлений правовых наук, и прежде всего уголовного права.

Актуальность исследования обусловлена не только приоритетностью жизни и здоровья человека в правовом перечне, но и наличием высокой степени асоциальности деяния, то есть диагностической показательности действия или бездействия, квалифицированного как убийство. Проще говоря, исследуя

убийство, можно выявить и проанализировать механизм нарушения социальной установки личности, совершающей его. Хотя, конечно, это глобальная задача, которая не может быть решена при написании выпускной квалификационной работы. Однако, бесспорен тот факт, что разработка проблематики насильственных преступлений против жизни и здоровья, в частности «убийства», является актуальным, востребованным начинанием, весьма важным для дальнейшего развития правовой, государственной и общественной сферы.

Под определение «убийство» подпадают составы преступлений, раскрытых в нескольких статьях, но даже в рамках одной (основной) статьи 105, квалифицирующие признаки весьма разнообразны и охватывают как простой состав (часть 1), так и несколько квалифицирующих (имеющих отягчающие обстоятельства в своём составе, часть 2). Целесообразным, в рамках выпускной квалификационной работы представляется ограничиться анализом только части 105. Рассмотреть понятие и квалификационные признаки убийства, и уделить особое внимание убийствам, совершенным с особой жестокостью, и убийствам, совершенным общеопасным способом.

Объектом исследования выступают общественные отношения, вытекающие из преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека.

Предметом выпускной квалификационной работы выступают теоретические положения, совокупность уголовно-правовых норм и нормативно-правовых актов, регулирующих назначение наказания за убийства, совершенные с особой жестокостью или общеопасным способом в уголовном праве, материалы судебной практики.

В рамках поставленной проблемы **цель** работы заключается в комплексном исследовании признаков и характеристике убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, в выявлении актуальных проблем и разработке рекомендаций по их разрешению. Для достижения указанной цели, необходимо решить следующие **задачи**:

- определить понятие «убийство» – как состава преступления, рассмотреть историю становления термина в Российском праве;
- дать общую характеристику квалифицированных составов, предусмотренных пунктами «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ;
- выявить особенности квалификации признаков убийства, совершенного с особой жестокостью;
- проанализировать особенности квалификации признаков убийства совершенного общеопасным способом.

Инструментарий исследовательской работы будет включать в себя: как общенаучные методы дедукции и индукции, анализа и синтеза; так и узкоспециальные – юридический (правовой) и исторический методы. Основная научная деятельность будет заключаться в знакомстве со специальной литературой, освещающей интересующую тему, а также в правовом анализе конкретных примеров из юридической практики и синтезировании на этой основе системы выводов (подкрепленных доказательствами утверждений научного

характера), направленных на достижение цели через решение предложенных выше задач.

Нужно отметить, что многие известные ученые-юристы, трудились именно над исследованием проблемы убийства, что ещё раз подчеркивает актуальность её разрешения. Примером могут стать работы следующих авторов: А.А. Пионтковского, С.В. Бородина, Э.Ф. Побегайло, А.А. Безуглова, А.Н. Красикова, Л.А. Андреевой, А.В. Наумова, С.В. Кудрявцева, И.Я. Козаченко. Также, весьма интересными для работы стали отдельные статьи, которые были опубликованы ведущими специалистами в области национального уголовного права А.О. Никифоровым, В. Ткаченко, А. Поповой, Р. Галиакбаровою.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные автором теоретические выводы, практические рекомендации и предложения вносят определенный вклад в правовую науку, систематизируют научные знания по вопросам уголовно-правовой характеристики убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, а также могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях.

Результаты работы также имеют практическую значимость, на основе теоретического анализа правовых норм, регулирующих уголовно-правовую характеристику убийств, совершенных с особой жестокостью или общеопасным способом, обоснованы предложения по совершенствованию законодательства на основе выявленных проблем, что в свою очередь будет полезным при разработке программ обучения юристов, а также при изучении предметов «Уголовный процесс», «Уголовное право» и других дисциплин, а также выводы и предложения могут найти применение в системе подготовки и повышения квалификации специалистов в области юриспруденции, в организации правового просвещения населения, в научной и педагогической работе при подготовке программ, методических рекомендаций, учебных пособий.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, и включает в себя 79 страниц.

1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ ИЛИ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

1.1 Определение «убийство» – как состав преступления, история становления термина в Российском праве

Жизнь человека, это не только ценность для отдельной личности, но и наибольшая социальная ценность, ведь только то, общество, способно поддерживать своё существование, которое может обеспечить безопасность составляющих его индивидов. Для отдельного же человека потеря собственной жизни – непоправимая трагедия, ведь смерть является прекращением индивидуального существования особи, а значит весь накопленный опыт, все уникальные личностные характеристики оказываются, утеряны вместе со смертью, и, восполнить их невозможно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что убийство, одно из наиболее опасных для общества деяний, а значит, одно из самых тяжелейших преступлений. Однако, как не парадоксально, это и одно из наиболее распространенных правонарушений. Конечно, социум стремится бороться с этим негативным явлением, а первый шаг к успешной борьбе, верное определение преступления, на устранение которого направлена борьба. Современный Уголовный Кодекс России, выгодно отличается от правовых документов, регулировавших отрасль уголовного права в прошлом тем, что в этом своде документов впервые дается определение понятию «убийство».

В рамках Уголовного Кодекса РФ: «убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку» (часть 1 статьи 105 УК РФ). Сразу бросается в глаза, что при совершении убийства возможно наличие только умышленной формы вины. Это не аксиома, ведь УК РСФСР в статье 106 предусматривал ответственность за неосторожное убийство, однако, современная трактовка является скорее наследием русского национального права дореволюционного периода (имеются в виду революции 1917 года). А также, подобное определение, более соответствует представлениям, утвердившимся в современном социальном сознании. Конечно, это вовсе не значит, что за неосторожное причинение смерти не предусмотрено ответственности, УК России посвящает данному деянию отдельную статью 109 [3, с. 72].

Нужно отметить так же, что при определении убийства следует отметить насильственный характер лишения жизни потерпевшего. При этом насильственная смерть должна носить неправомерный характер. То есть не должна являться, к примеру, исполнением смертной казни. Вариантом деяния, не подпадающего под определения убийства, может являться так же случайное причинение смерти (несчастный случай). Как в случае правомерного, так и случайного причинения смерти, очевидно, что деяние совершается невиновно. Это главное отличие от преступлений, преследующийся УК РФ. А.Н. Трайнин в своих работах указывал: «Как без наличия состава не может быть речи о преступлении, так без наличия требуемых законом элементов не может идти речи о составе. Поэтому правильное понимание элементов состава есть необходимое

условие правильной квалификации преступных действий» [16, с. 35].

Государство, посредством права, охраняет жизнь любого индивидуума от начала рождения до момента биологической смерти. При этом не имеют значения возраст, пол, религиозные, политические предпочтения личности, а также её социальная полезность и иные качества. Для правовой охраны жизни достаточно принадлежности к человеческому виду. По крайней мере, так обстоят дела концептуально. Современное национальное законодательство не считает убийством уничтожение плода человека до начала родового процесса, а значит, подобное деяние не будет образовывать состава убийства [12, с. 83].

Жизнь является состоянием, ограниченным во времени, векторным, самопроизвольным психофизиологическим существованием индивида. Началом вектора является рождение, концом – смерть. Рождение – это осуществление процесса родов – физиологическое явление выхода из материнской утробы детеныша животного или человеческого младенца. Является дискуссионным вопрос, с какого момента родового процесса можно считать человеческий плод (плод – с медицинской точки зрения, это человеческий зародыш с девятой недели развития в утробе матери, до момента родов) ребенком, то есть человеком, жизнь которого подлежит охране. Вариантов множество, но стоит обратить внимание на три основных.

Первая концепция предлагает считать началом человеческой жизни момент начала родового процесса. Данная позиция весьма спорна, уже хотя бы потому, что естественные физиологические роды, вовсе не обязательно должны привести к появлению живорожденного человеческого ребенка. Роды могут оказаться изгнанием крупного, погибшего в утробе плода, и (или) повлечь за собой мертворождение. Примером спорности концепции может служить случай, произошедший на периферии одного из регионов РФ, когда в процессе беременности не был, по объективным причинам выявлен порок развития плода: в больнице не было соответствующего оборудования, и не было показаний для направления беременной женщины в районный центр, так как беременность протекала без осложнений. Роды привели к гибели плода, но при возросших нагрузках, при родовом процессе, именно данный плод и не мог остаться живым, поэтому фактически, момент начала родов, был моментом начала смерти плода. Могло бы помочь кесарево сечение, но оснований к его проведению не было.

Вторая концепция – является более обоснованной и считает началом жизни момент физиологического отделения плода, демонстрирующего признаки жизни, от организма матери. Авторы подхода признают фактом начала жизни человека живорождение. Понятие живорождения, на которое ссылаются авторы данной концепции, раскрывается в Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения, перинатального периода». Живорождением может считаться только полное естественное изгнание организмом матери плода или принудительное извлечение продукта зачатия из материнского организма, вне зависимости от продолжительности беременности, при этом плод должен после изгнания или извлечения дышать и (или) проявлять другие признаки жизни: сердцебиение, пульсацию пуповины, демонстрировать произвольные движения

мускулатуры, вне зависимости от того, была ли перерезана пуповина и была ли отделена плацента. Плюсом данной точки зрения является и то, что авторы учитывают в качестве рождения медицинские процедуры, такие, например, как кесарево сечение («принудительное извлечение»).

Третья концепция, определяя время начала человеческой жизни, указывает на то, что человеческого ребенка следует признать живорожденным с того момента, когда из организма рождающей женщины появляется хотя бы часть тела младенца, на которой заметно сердцебиение. Обсуждение этой точки зрения излишне, так как именно её придерживается современный законодатель. Законодатель указывает, что для начала осуществления уголовно-правовой защиты на основе государственного принуждения, основным и очевидным характерным признаком продукта родов должны быть сердцебиение и дыхание. Плацентарное дыхание и сердцебиение плода появляются ещё в утробе матери. Поэтому, даже частичное появление младенца с указанными функциями визуально фиксируемых частей тела, следует считать началом жизни данного индивида. С этого момента, плод является ребенком, то есть становится человеком, жизнь которого охраняется на государственном уровне [15, с. 22].

Многие ученые подчеркивают, что живорожденность не стоит идентифицировать как жизнеспособность. Жизнеспособностью называют – способность плода, результата зачатия, искусственно извлеченного, либо изгнанного естественным путем из материнской утробы, к самостоятельной жизни без поддержки организмом матери. Жизнеспособность можно определить только после констатирования факта рождения продукта беременности живым. Значит, даже если жизнеспособность младенца не велика (степень жизнеспособности незначительна), посягательство на его жизнь рассматривается как посягательство на жизнь человека.

Столь же сложно определить понятие человеческой смерти. Медицинские работники, юристы и теологические деятели, до сих пор часто заходят в тупик, разрешая проблему наличия жизни в человеке, мозг которого погиб, но дыхание и кровообращение сохраняются и поддерживаются искусственно при помощи медицинских технологий. Большинство считает, что полная смерть головного мозга является концом индивидуальной жизни человеческого существования. Меньшинство, полагает, что жизнь в этих обстоятельствах, нельзя считать завершившейся.

Большая Советская энциклопедия дает однозначное понятие гибели человеческого организма, где смерть – понималось прекращение жизнедеятельности организма, его гибель. Смерть человека – это прекращение, в первую очередь дыхательного цикла и цикла кровообращения. Медицина выделяет два этапа умирания: клиническая смерть (остановка сердечного ритма) и биологическая (истинная), – заключающаяся в необратимом прекращении естественных физиологических процессов в организме, его клетках и тканях, прежде всего в клетках и тканях головного мозга. Данное определение смерти индивида подтверждается Законом Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 г. В данном законе, момент

прекращения индивидуальной жизни человека соотносится с констатированием необратимого прекращения функционирования головного мозга. Значит, остановка сердца (клиническая смерть), не является окончанием жизни, смерть человека наступает лишь тогда, когда происходят необратимые изменения клеток коры больших полушарий головного мозга человека [14, с. 45].

Теперь, когда дано исчерпывающее определение понятиям убийства, жизни, смерти, стоит обратить внимание на характерные признаки убийства, как состава преступления. Теория уголовного права указывает на то, что любой состав преступления имеет следующие элементы: объект преступления; объективную сторону, субъект преступления, субъективную сторону. Данные элементы также имеют специфические признаки, присутствующие в большинстве составов: деяние (действие, бездействие), общественно опасные последствия преступления, логическая связь между действием (бездействием) преступника и наступлением указанных последствий. Перечисленные признаки, конечно, относятся к объективной стороне состава правонарушения [13, с. 21].

Убийство является деянием (действием, бездействием), заключающемся в причинении смерти жертве, и причинение смерти должно быть умышленным. Как уже упоминалось, убийство может совершаться при помощи активного действия, либо пассивно, бездействием. Чаще, активное действие – насилие, нарушающее функционирование человеческого организма жертвы, либо повреждающее жизненно важные органы. Хотя насилие может быть как физическим, так и психическим воздействием. Физическое насилие предполагает повреждение жизненно важных органов, отравление, удушение. Психологическое насилие (воздействие) заключается в психическом травмировании жертвы, страдающей тяжелым заболеванием, что и приводит к смерти потерпевшего. Но убийца при этом должен знать о тяжелом состоянии здоровья жертвы и желать наступления смерти. Убийство при помощи бездействия возможно если есть объективные и субъективные предпосылки преступления: на убийцу, законодателем, профессиональными обязательствами, или имевшейся возможностью спасения жизни, специально возложены обязанности охраны жизни. Бездействие, как способ убийства редко и трудно доказуемо [2, с. 45].

Противоправность деяния так же весьма важна. Ведь именно эта характерная черта позволяет отделить убийство от правомерного лишения жизни человека, в рамках необходимой обороны, исполнения служебного приказа, смертной казни. Общественно опасным последствием в случае убийства законодатель считает причинение смерти жертве. Наступление гибели в качестве общественно опасных последствий преступного деяния – это обязательный признак объективной стороны преступления – убийства [4, с. 11].

Ещё одним признаком объективной стороны состава убийства – наличие причинной связи между преступным деянием субъекта и произошедшей гибелью жертвы. Уголовное право не предлагает особенного понятия причинно-следственной связи, поэтому на помощь теории уголовного права, касательно основ причинно-следственной связи приходит философия. Причинностью полагается объективная, то есть существующая вне зависимости от сознания

человеческого существа, связь между явлениями, порождающими и порождаемыми.

Специфичность этого понятия в уголовном праве в том, что причиной может быть лишь деяние, являющееся социально опасным, а следствием наступление общественно опасных последствий. Касаемо убийства, признание наличия причинно-следственной связи возможно только тогда, когда действие, либо бездействие субъекта преступления однозначно приводит к гибели жертвы, то есть становится причиной гибели. Время между деянием и наступлением последствий роли не играет. Даже если минул значительный отрезок времени между совершением деяния и смертью человека, преступление всё равно – убийство [4, с. 15].

Закон утверждает убийство как деяние, совершенное с умыслом, и этот факт характеризует субъективную сторону состава. Наличие умысла отделяет убийство от причинения смерти по неосторожности. В случае убийства, преступник понимает, что совершает посягательство на жизнь жертвы, осознает неизбежное или реально возможное наступление гибели жертвы, хочет чтобы гибель наступила, либо осознано допускает наступление гибели (прямой и косвенный умысел). Определение формы умысла (прямой или косвенный) необходимо, чтобы индивидуализировать ответственность и (или) отграничить убийство от иных преступлений. Важно это и для правильной квалификации такого деяния, как покушение на убийство. Большинство авторов полагают покушение на убийство преступлением, которое можно совершить только при наличии прямого умысла. То есть виновный должен прямо направлять свою деятельность на то, чтобы совершить убийство, желая, чтобы опасные для общества последствия наступили – смерть жертвы произошла.

Предотвращение гибели пострадавшего должно произойти по причинам, не зависимым от преступника. Косвенный же умысел предполагает лишь, что субъект понимает социальную опасность преступного деяния, осознает вероятность либо неизбежность гибели жертвы, но не желает, а осознано допускает что гибель произойдет, или безразличен к этому факту. Поэтому сложно согласиться с Здравомысловым Б.В., который говорит, что «прямой умысел конечно обозначает, что преступник хочет гибели жертвы, но не обязательно преступник хочет непременно гибели».

Умысел может иметь альтернативу, когда преступник предполагает, и наступление смерти, и тяжкий вред здоровью жертвы, одинаково желая этих последствий. Когда преступные последствия не наступают по обстоятельствам, независящим от преступника, виновного должно привлечь за такое преступление, как покушение на убийство». Ошибка в том, что покуситься на убийство можно имея лишь прямой умысел, ведь само убийство возможно при умышленном причинении смерти жертве, а, в причинении тяжкого вреда здоровью направление умысла на тяжкий вред. Лишь часть 4 статьи 111 УК РФ указывает на последствие в виде смерти жертвы, но в этом случае гибель жертвы может быть и неосторожной формой вины. Решая проблему содержания умысла преступника, нужно принять во внимание всю совокупность обстоятельств правонарушения,

учесть предыдущее поведение преступника и жертвы, их отношения и тому подобные факты [4, с. 25].

Обязательными при квалификации убийства могут стать и факультативные признаки (мотив преступления, цель правонарушения и эмоции сопровождающие совершение общественно опасного деяния) субъективной стороны, но только тогда, когда это прямо предусмотрено в уголовном законе (например, часть 2 статьи 105 УК РФ).

Субъект убийства, закрепленный в статье 105 УК РФ, является физическим вменяемым во время совершения преступления человеком, достигшим к этому моменту возраста четырнадцати лет. Значит, опираясь на вышеприведенные факты, убийство определяется, в качестве умышленного противоправного лишения жизни жертвы, из-за причинения смерти. Право на человеческую жизнь, в этом случае – непосредственный объект правонарушения [5, с. 9].

Во многих религиозных мифологических текстах содержится указание на то, что первым преступлением человека против человека было именно убийство. Проверить достоверность подобных сообщений не представляется возможным, но несомненным можно считать тот факт, что уже на заре человечества, убийство вызывало достаточно негативный отклик для того, чтобы порицаться родоплеменной общиной, а затем прообразами государственных образований и войти в устные догматы традиционного, а затем и зарождающегося теологического права.

Убийство себе подобного, является табуированным поступком для особи социального вида, поскольку факт настолько развитой внутривидовой агрессии, ставит под удар саму возможность общественного сосуществования. Поэтому индивиды, склонные к физическому уничтожению себе подобных без весомых социальных оправданий (угроза собственной жизни, делегирование полномочий от общества, навязанный самим обществом образ врага, случайность и т. д.), являются угрозой для самих социальных единиц, содержащих агрессивных особей в своем составе.

Подобная эволюционная концепция касается большинства развитых общественных видов высших животных, но наиболее развита, конечно, у человека. Убийство в человеческом социуме становится наказуемым деянием одним из первых. Римская Империя оставила письменные памятники права, где указаны составы преступлений, среди которых выделяется и убийство [18, с. 141].

Исторический анализ документов свидетельствует о том, что убийство, как деяние, за которое предусмотрено наказание, упоминается впервые в источниках национального права Руси, а конкретно в договорах Великих Князей Олега (в 911 году) и Игоря (в 945 году), заключенных с греками. Князь Олег прямо указывает что: «Если русин убьет христианина или христианин убьет русина, он умрет на месте, где совершил убийство. Если же убийца скроется и у него окажется имущество, то ближайший родственник убитого получит часть его имущества. Если же скрывшийся убийца не имеет имущества, он остается под судом, а после розыска подлежит смерти». Очевидно, что документ появился в результате обострения международных взаимоотношений, вследствие тесных

контактов руссов и греков. Поэтому наряду со значением этого памятника в национальной истории права, велика и его роль в истории развития международного права. Указанное положение преемственно переходит в договор Князя Игоря (помещено в статью 12). Эти договоры признавали обоснованными случаи причинения смерти виновному в убийстве человеку, если убийца пытался скрыться, сбежать. Однако, кровную месть данные законодательные документы не отменяли [18, с. 63].

Чтобы понять, как обстояло истинное положение в социуме Древней Руси, относительно убийства и ответственности за него, стоит обратиться к документу сугубо национального права (хотя ряд стран впоследствии и заимствовал часть положений для собственных правовых систем), к Русской Правде Ярослава. При анализе документа видно, что кровная месть не исключена, но заметны попытки её ограничить (из чего видно, что ранее данного документа и подобных ограничений не было). В Русской Правде Ярослава приведен исчерпывающий перечень лиц, которые могут выступать как кровные мстители и взыскивать смертью за смерть родича. Перечень указывает на право отмщения братом только за брата, сына за отца и отца за сына, и брата кровной сестры за её сына. Женщины в состав кровных мстителей не входили.

Первые списки Русской Правды предоставляли возможность выдачи родственникам кровника-убийцы (кровь между ними). Мстители получали право взыскать по своему усмотрению. То есть возмездие за убийство осуществлялось не государством в лице князя, а узким кругом правопреемников (родичей), которым князь делегировал свои государственные полномочия. Хотя существует ещё одна точка зрения, не менее обоснованная и более согласованная с концепцией присвоения государством, по мере развития последних, судебной власти рода и общины, и постепенного подчинения механизма принуждения индивидов государственному аппарату. Если опираться на эту концепцию, то князь постепенно отнимал у родичей право на кровную месть, а, подчиненные ему люди, по умолчанию делегировали ему полномочия на месть за себя (как отцу, защитнику, радетелю). С позиции гуманизации общества тенденция позитивная, позволившая поднять численность населения. С позиции легитимности традиционного права – едва ли...

Дети Князя Ярослава создали более прогрессивную редакцию Русской Правды. Около 1050 года в данный правовой документ вносится положение об ограничении власти мстителей над виновным в процессе осуществления кровной мести. В дальнейшем это положение прогрессирует, включая в себя возможность для убийцы откупиться от родственников убитого человека. Выплаты, осуществлявшиеся убийцей, как правило, имели единовременный характер, не имели фиксированного размера (размер определялся договором убийцы и родственника потерпевшего), и не имели отношения к финансовому положению князя. Назывались подобные выплаты – головщиной. Однако, помимо головщины в законодательных документах этого времени вводится ещё одна выплата – вира. Вира взималась в том случае, когда у убитого человека, не оставалось кровных родственников имевших право преследовать убийцу на основе мести. Князь, в

данных обстоятельствах выступал в качестве такого родича. Вира поступала в казну князя в качестве конфискованной собственности, со всеми присущими обременениями.

Закон определял и утверждал вполне определенный и фиксированный размер виры. В случае убийства простого свободного человека: русина, гридина, ябетника, изгоя, словенина или купчины убийца был обязан выплатить виру в 40 гривен. В случае если убитым был муж (боярин), вира назначалась двойной и составляла 80 гривен. В период княжения Ярослава и его детей (и ещё долгое время после этого, вплоть до Столыпинских реформ), общество составляло совокупность общин, основанных по родовому или соседскому признаку. Данные микросоциумы имели свой уклад, быт, традиции и обычаи, свойственные или только данной общине, или народности, племени к которым принадлежало подавляющее число поселенцев. По факту, община представляла собой не только совокупность людей, организующую совместное ведение хозяйства, но некую административную единицу, с собственным самоуправлением, коллективной ответственностью, связанную круговой порукой. Вследствие этого взаимодействие общины с князем носило очень специфический характер. Если личная ответственность индивида была невозможна, по объективным обстоятельствам (личность преступника не выяснена, либо преступник болен и т. д.), то община могла выступать в ряде случаев как субъект уголовного права. Этот феномен основывался на том, что община (общество, составлявшее округ, вервь) ручалась перед князем, а значит перед законом, за каждого из составлявших её членов, которые были обязаны сохранять между собой мир, безмятежность и главное покой, иначе возникало бы недоверие к их персонам, когда на территории общины обнаруживался труп, и все члены сообщества платили дикую виру, если не известно кто убийца, а в случае если известно и он член общины, то община платила все 40 гривен [18, с. 76].

С течением времени, ситуация в уголовном праве Руси постепенно меняется. Государство в лице Князя окончательно закрепляет за собой право на возмездие, искореняя право частной мести. Вира начинает выплачиваться на постоянной основе, а не только в тех случаях, когда родичей-взыскателей нет. Вирный платеж осуществляется вместе с головническим. То есть, так как не было никого, кто имел бы право мстить в глазах закона, то вира взималась в пользу княжеской казны в каждом случае, ведь Князь принуждал преступника к ответу силой своей власти. Головничество же осуществлялось в пользу семьи убитого (наследников, близкой родни) [18, с. 150].

В процессе завершения объединения земель российских и образования Русского Централизованного государства, появляется необходимость создать законодательный акт, устанавливающий единообразное правовое регулирование. Таким актом становится Судебник 1497 года, который частично объединяет, лежавшие в его основе, возникшие в различные временные отрезки, в разных территориальных единицах Руси, нормативно-правовые акты (Уставные грамоты, «Русская Правда»).

Но, нормы этих актов входили в Судебник сильно измененными, а также были

добавлены новые нормы. Преступление теперь предполагает не только «обиду» (причинение материального либо морального вреда).

Преступление – является нарушением установленных законом норм, либо волеизъявления государя, которое было неотрывно связано с благополучием государства. Преступления против личности содержат квалифицированные убийства: «государский убийца», «разбойный убийца». Усложняются наказания, возникают иные цели процесса наказания: запугивание и изолирование преступника. Власти желают показать всесилие над преступником. Смертная казнь, является так же высшей мерой, которую мог отменить (помиловать) государь [18, с. 211].

С точки зрения охраны жизни, интересен, датированный 1456–1462 годами, нормативно-правовой документ: «Запись о душегубстве». Государство проясняет в нем собственное отношение к охране жизни человека. Душегубством, является и человекоубийство, и самоубийство, и внезапная смерть от несчастного случая. То есть в этот период, государство рассматривает человеческую жизнь как абсолют. Самоубийцы преследуются наравне с убийцами. Такая реакция на самоубийство спровоцирована христианским учением, где суицид – является смертным грехом [19, с. 35].

1649 год ознаменовался утверждением в Земском соборе Уложения, в связи с чем уголовное право приобретает государственно-публичную направленность. Происходит усиление Царской власти, и Московский царь приобретает права законодателя, судьи, управленческие и верховные военные функции. Уложение закрепляло такие источники права как: судебник, указная книга приказов, царский указ, думский приговор, решение Земского собора, Стоглав, законодательство Литвы и Византии. Многие составы относились к преступлениям против человеческой личности и включали в себя телесные повреждения, убийство, бой (побои), оскорбления словом и делом. Встречаются уже и квалифицированные виды убийства:

- причинение детьми смерти родителям – смерть без пощады;
- убийство ребенка, рожденного вне брака матерью;
- убийство мужа;
- убийство через отравление.

К привилегированным убийствам отнесли: причинение смерти родителями детям, (один год лишения свободы), ведь родители по христианской доктрине получали полную власть относительно собственных детей. Привилегированным считалось убийство, совершенное в драке по пьяному делу.

Уложение признает несколько форм вины убийств: умышленное, неумышленное. Дифференцируется и ответственность, умышленное убийство предполагало смертную казнь, неумышленное убийство характеризовалось другими видами ответственности. Помимо этого, Уложение предусматривало отсутствие наказания за случайное (невинное) причинение смерти. Самостоятельными составами являлись подстрекательство к убийству, покушение на убийство. Уже с XVI века, законодательство отделяет от разбоя, однако,

практика «Разбойного приказа» содержит оба состава вместе. Окончательно их отделило лишь дифференциацию Соборное Уложение [19, с. 27].

Петр I инициировал нововведения в области уголовного закона, поправки имели государственно-публичную направленность. Причиной стало обострение противоречий общественных групп, классов, проведение государственных реформ. В государстве один за другим вспыхивали бунты, законодательство давно устарело и не могло результативно регулировать общественное поведение. К тому же абсолютизм на дворянско-чиновничьей основе требовал закрепления легальности и легитимности законодательно.

Воинский и Морской Артикулы, изданные Петром, утверждают весьма жёсткие наказания, предназначенные, прежде всего, для военных, но использовались и для наказания гражданских. Глава 19 в Воинском Артикуле устанавливала наказание за убийство, причем, здесь более четко происходит подразделение на умышленное и неосторожное убийство. Заметно деление на квалифицированное убийство и простое. Виды квалифицированного убийства включали в себя:

- наёмное убийство;
- совершенное из корысти;
- убийство детьми своих родителей;
- убийство «дитяти во младенчестве»;
- убийство при помощи отравления и иные.

Вводилась ответственность при убийстве на дуэли, дуэльное убийство относилось к квалифицированным. Виновным объявлялся не только убийца соперника, но, вместе с ним секунданты, и сам убиенный.

Самоубийство так же оставалось квалифицированным видом убийства. Артикул вводил положение о судебно-медицинской экспертизе в делах касательно убийства, для выявления причинно-следственной связи деяния и общественно опасными последствиями, а это говорит о возросшем желании единообразия в правосудии и укреплении принципов справедливости единой для всех. Воинские Артикулы, 1715 года, имеют основные принципы уголовного наказания, определяют преступление, вину, раскрывают цели наказания, необходимую оборону, крайнюю необходимость, приводят список смягчающих, отягчающих обстоятельств.

Многие авторы оспаривают законодательную деятельность Петра, некоторые говорят, будто Петр переписывал западные нормы. Иные признают, что использование западных правовых источников, с приемлемыми к условиям России изменениями, не предосудительны и перспективны. Второе мнение более объективно, ведь с Древнейших времен, русские перенимали прогрессивные аспекты законодательства у других государств: Византии, Литвы. Даже современное российское законодательство вынужденно подтягивается под уровень мировых стандартов и ратифицированных международных соглашений, заимствуя некоторые нормы [19, с. 87].

Следующей ступенью реформ права становятся нововведения Екатерины II,

инициировавшей новое государственное законодательное Уложение и перестройку общественной и гражданской жизни, основываясь на европейском законодательстве. Она сочинила «Наказ», включивший философские и правовые идеи передовых мыслителей Европы: Беккарии, Монтескье, Руссо и иных ученых. Некоторые части «Наказа» обычно считают Основами уголовно-правового законодательства. Хотя влияние этой работы прослеживается лишь в первой половине XIX века [19, с. 90].

Александр I, в 1804 году, формирует комиссию, призванную заняться формулированием прогрессивных уставов во всех правовых отраслях. Николай I, в 1826 году возобновил процесс кодификации. В результате в 1830 году возникает «Полное собрание законов Российской империи». Эта же комиссия работала над созданием свода законов, должно привести в систему действующие законы в разных отраслях права, включая нормы про преступления и наказания. С одной стороны, подобная работа являлась весьма прогрессивной тенденцией в отечественном праве, а с другой, свидетельствовала об отсталости права России относительно Зарубежного (западного) права. Освещая уголовное законодательство этого отрезка времени, можно отметить, что Свод законов выносил на первое место преступные деяния, направленные против Отечества, государя, веры православной, и только на второе преступные деяния против подданных, частных лиц, к таким преступлениям относились и убийства. Предпринималась попытка определить законодательно термин «убийство». Убийство подразделяли на умышленное убийство, либо неосторожное убийство; простое убийство, либо квалифицированное. Часть квалифицированных составов перешли от Соборного Уложения 1649 года, а также Воинских Артикулов Петра, но возник и ряд новых составов: убийство родителей детьми, братоубийство, убийство супругом другого супруга, лишение жизни подчиненных начальниками, либо начальников подчиненными, суицид [19, с. 118].

Вследствие казуистичной конструкции норм уголовного права и отсутствия общей терминологии, в 1836 году стартует пересмотр уголовного законодательства, в котором участвуют и российские, и иностранные ученые. Следствием стало издание в 1845 году измененного Уголовного кодекса, названного «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных». В этом документе сохранена сословная квалификация наказания и определения санкции, соотносимо с сословными привилегиями. Выделялась уже субъективная сторона состава преступления, подразделявшаяся на:

– умысел:

- а) умысел, при заранее обдуманном намерении;
- б) умысел, при внезапном побуждении непредумышленном;

– неосторожность, когда:

- а) последствия преступления не были предвидены;
- б) вредные последствия нельзя было предвидеть вовсе. Особый раздел включал нормы, относившиеся к частным преступлениям: посягательства на честь, жизнь, здоровье, свободу.

Первое место выделялось преступлениям против жизни, объединенным в две

группы:

- посягательство и смертоубийство;
- преступления, касательные суицида.

Выделялось убийство простое (отсутствуют квалифицирующие и привилегированные обстоятельства), и квалифицированное убийство, привилегированное убийство, и неосторожное. Первая категория включала убийства с умыслом, который не был обдуман заранее, если нет других квалифицирующих факторов. Вторая включала убийства имеющее квалифицирующие аспекты (например, отцеубийство). Третья имела привилегированные признаки, и мягкую санкцию, (пример – убийство матерью ребенка, рожденного вне брака) [20, с. 22].

1861 год стал годом отмены крепостного права, назрела судебная реформа, проведенная в 1864 году, поэтому Уложение 1845 года сразу устарело и перестало отвечать жизненным реалиям, в связи с чем документ изменялся и дополнялся в 1866 году, 1885 году, 1903 году). Хотя само Уложение продолжало действовать до февраля 1917 года. Положительным моментом Уголовного Уложения 1903 года, являлось его отличие от более ранних высокой юридической техникой и степенью ответственности за совершение преступлений против жизни. Любопытно выделения в отдельные составы убийства либо умерщвления плода. Различным в этих преступлениях был субъект:

- убийство совершалось матерью;
- умерщвление врачом либо повитухой.

Уголовное Уложение 1903 года, исключает наказуемость суицида, оставляя ответственность за действия, приведшие к гибели другого человека. Самостоятельное значение имели составы убийства и содействия суициду. Много преступлений включала в себя группа составов, где предполагалось причинение смерти жертве самим преступником. Основой такой системы явился признак формы вины. Был и умысел в причинении смерти, и неосторожность в лишении жизни. Составы убийства предлагалось отнести к основному, квалифицированному (убит восходящий либо нисходящий родственник, супруг, брат, сестра; священнослужитель и иные) [19, с. 120].

XIX столетие в национальном уголовном праве ознаменуется развитием научно-практической деятельности. Наука уголовного права помнит ученых этого периода: Нейман И., Горегляд О., Солнцев Г., Цветаев Л., Гуляев П., Баршев С., Неклюдов И.А., Калмыкова Л.Д., Таганцев И.С., написавший монографию «О преступлениях против жизни» (1870–1871 годах). Однако в уголовно-правовой литературе по проблемам преступлений, совершенных против жизни, прослеживается комментаторский стиль. Ведь общей точки зрения у ученых-криминалистов не наблюдалось, каждый стремился внести свой вклад в систему, виды составов преступлений. И все же, научные изыскания ученых в это время были весьма ценны для дореволюционного периода развития закона [19, с. 125].

Последствием Октябрьской революции явился полный отказ от всех достижений буржуазного общества, столь чужого юному Советскому

государству. Законодательство разделило эту участь и в части уголовного закона. Частично, правда, на основе Декрета № 2 о судах, уголовный закон продолжал действие, если не противоречил правосудию Советов. Первая попытка обобщения практики чрезвычайных трибуналов и судов была предпринята в декабре 1919 года, и привела к принятию «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР».

Исаев И.А. отмечает, что: «уголовное право нового государства нужно основывать на принципах целесообразности, которые пусть даже будут противопоставлены принципам законности». Законодательный корпус принимает тенденцию отказа от особенных норм в кодексе. Судам предлагалось руководствоваться «социалистическим правосознанием» и целесообразностью, решая дела опираясь на нормы общей части [17, с. 42].

Руководящие начала включали в себя введение, разделы с сущностью уголовного права, с уголовным правосудием, с определениями преступления и наказания, со стадиями совершения преступного деяния, соучастия, видами наказания, с условным осуждением, с пространственным действием уголовного закона. Судебный прецедент фиксировался в Руководящих началах в форме аналогии: если отсутствовала конкретная норма, для конкретного казуса, применяли аналогичную норму. Практически подобная свобода в толковании породила произвол.

1922 год ознаменован принятием первого Уголовного кодекса РСФСР. В нем выделялась глава, содержащая список преступлений против жизни, здоровья, свободы, достоинства человека, где первостепенным было понятие убийства. Глава повторяла составы, содержащиеся в Уголовном уложении 1903 года. Исключались, правда, два состава: убийство матерью новорожденного ребенка и убийство по согласию потерпевшего из чувства сострадания к нему. Однако, Уголовный Кодекс 1922 года улучшает юридическую технику конструкций в составах преступлений, совершенных против жизни. Уголовный кодекс 1922 года предусматривает весьма мягкие санкции при квалифицированных преступлениях против личности, преступника лишали свободы от 8 до 10 лет, однако, в сфере государственных и должностных преступлений санкция включала смертную казнь. То есть уголовное право прежде всего обеспечивало защиту государству, и, лишь вторично частный, в том числе – право на жизнь. Более поздние кодексы предписывали более жестокие наказания в отношении квалифицированных убийств. Хотя, и более жестокие санкции оставались несопоставимы с санкциями против государственных преступлений (хищение имущества общества и государства могло привести к двадцати пяти годам заключения). Только 1954 году Президиум Верховного Совета СССР разработал Указ «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство», в котором происходило ужесточение наказания за убийство до смертной казни [10, с. 31].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, почти полностью повторяет признаки квалификации убийства кодекса 1922 года. Эти признаки включали: корысть, ревность (неподходящую к состоянию аффекта), иные низменные побуждения; рецидив в области умышленного убийства, либо нанесения тяжких телесных

повреждений; способа, опасного для жизни множества людей, либо особенно мучительного для жертвы; преследуя цель облегчить либо сокрыть иное тяжелое преступление; совершение субъектом, который, был обязан особенно заботиться о жертве; используя беспомощное положение жертвы. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 сентября 1934 года вносит дополнение в статью Уголовного кодекса, касающуюся квалифицированных убийств устанавливающее наказание за убийство, совершаемое военнослужащим, если есть отягчающие обстоятельства [11, с. 25].

Уголовный кодекс 1960 года в статье 102 содержит перечень составов квалифицированных убийств. Этот свод документов действовал до 1996 года, и имел более ясно формулировал квалифицирующие признаки в умышленном убийстве, исключая расширительное толкование. Положения, содержащиеся в статье 102 УК РСФСР 1960 года с небольшими переработками относительно принятых составов и с добавлением новых, прослеживаются и во второй части статьи сто пять Уголовного кодекса России. Уголовный Кодекс 1960 года, не относит к квалификационным признакам убийства ни ревность, ни другие низменные побуждения, ни совершение убийства военнослужащим, либо тем, кто был обязан особенно заботиться о жертве. Именно этот в Кодекс называет квалифицирующий признак отягчающим обстоятельством. Это спорное наименование, при наличии такого же названия списка отягчающих обстоятельств, включенного в статью 39 в Общей части УК, привело к справедливым замечаниям теоретиков. Статья 102 содержала такие отягчающие обстоятельства:

- корыстные побуждения;
- хулиганские побуждения;
- совершение преступления во время выполнения жертвой служебного либо общественного долга;
- совершение преступления с особой жестокостью;
- совершение преступления при помощи способа, опасного для жизни множества;
- преступление, имеющее цель сокрытия иного преступления либо облегчение совершения иного преступления, убийство, связанное с изнасилованием;
- убийство женщины, заведомо для преступника, находящейся в состоянии беременности;
- убийство двух либо более жертв;
- убийство субъектом, прежде совершавшим умышленные убийства, исключая убийство в состоянии аффекта и убийство, относящееся к превышению пределов необходимой обороны;
- убийство из кровной мести;
- убийство, содержащее особо опасный рецидив.

За указанные преступления законодатель установил и более строгую санкцию (8–15 лет лишения свободы, с присуждением ссылки либо без присуждения, и до назначения смертной казни). Хотя, практическое применение статьи сто второй,

уже в девяностых годах XX века нуждалось в корректировке, направленной на реформирование закона. Ведь после перестройки, уголовное право в области практики встречает лавинообразный рост преступности, при этом криминал затрагивает не только общественные отношения собственности, что ожидаемо из-за проблем в экономике, но и происходит множество посягательств на право на жизнь. Многие виды преступлений не предусматривались в статье 102 УК РСФСР. Этот факт затруднял применение закона на практике [9, с. 127].

Закон России, принятый 18 февраля 1993 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон РСФСР «О милиции» исключал из санкции статьи 102 УК такое наказание как ссылка и высылка, назначавшиеся только как дополнительные наказания. Закон России «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» принятый 29 апреля 1993 года дополнял статью 102 УК следующими квалифицирующими характеристиками: убийство, совершаемое по мотиву национальной либо расовой враждебности либо розни; убийство, предполагающее предварительный сговор группой.

Закон России принятый 22 марта 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» изменил пункт «в» статьи 102 УК РСФСР, в котором закреплялась усиленная уголовная ответственность и за убийство человека выполнявшего служебный либо общественный долг, и за убийство близкой родни этого человека, других лиц, при убийстве которых преследовалась цель помешать законной деятельности данного человека. Признаки, используемые при квалификации, содержащиеся в части 2 статьи 105 УК РФ 1996 года признаются более емкими в основных определениях и теоретических формулировках, но некоторые из них весьма спорны [8, с. 109].

Что касается становления в национальном праве рассматриваемых в дипломной работе квалифицированных составов, то их история в национальном праве не столь продолжительна.

1.2 Общая характеристика квалифицированных составов, предусмотренных пунктами «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ

Уже ученые, исследовавшие Римское право отмечают в совокупности составов убийств, закрепленных в римских законах, категорию совершенных с особой жестокостью. Правда, квалифицирующий признак существенно отличался от современных. Убийство считалось совершенным с особой жестокостью, если субъект преступления посягал на жизнь ближайшего родича. Законодатель Древнего Рима предусматривал за подобное правонарушение жестокое и особо позорящее наказание (утопление в мешке со змеей, или собакой, или обезьяной, или петухом).

Квалифицирующий признак близкого родства убийцы и жертвы характерен не только для Римского права, но и для права Древнего Мира вообще, а также для

раннего феодального права (преимущественно теологического). Стоит заметить, что, несмотря на господствовавший принципом талиона (око за око), способ причинения смерти был не особо важен. Почему же родственные связи считались столь важными? Дело в том, что древнее и раннесредневековое общество строилось на основе в разной степени преобразованной родовой (ранее родоплеменной) общины. Общинный принцип накладывал отпечаток на социум, ведь в первую очередь нормальный человек и верный подданный ставил во главе внутренней иерархической системы ценностей интересы сеньора и кровных родичей, а зачастую наоборот кровных родичей, а затем сеньора. Поэтому личность, посягнувшая на жизнь родственника, представляла самую серьезную опасность для общества, построенного на основе семейных связей. Род и родственники являлись защитниками и опорой для человека, поэтому отношения семьи охранялись законом наравне с государственными [8, с. 21].

Дальнейшее совершенствование законодательства привело к тому, что в качестве квалифицирующего признака начинает выступать именно способ совершения убийства, либо обстоятельства, сопровождавшие совершение преступления. В Бельгии и Франции, квалифицированным убийством по признаку совершения с особой жестокостью считались убийства, совершенные путем отравления; а в Чили убийства, когда преступник демонстрировал жестокость сознательно и бесчеловечно усиливая страдания жертвы.

Помимо квалификации убийств существует проблема выработки правил возмещения ущерба при данном виде квалифицированного преступления. Эта проблема бывает решена по-разному. В ранних средневековых и древних сообществах наказание бывает просто равнозначно преступлению («око за око»), в дальнейшем вводится имущественное возмещение вреда [7, с. 59].

В национальном праве России, законодатель закрепляет состав преступления «убийство с особой жестокостью» в законодательном документе «Уложения о наказаниях исправительных и уголовных 1845 г», а конкретно в п. 2 ст. 1453. Данный пункт указывал на то, что следует установить повышенную уголовную ответственность за совершение убийства: «если убитый лишен своего существования через истязания, или же он подвергался более жестким мучениям». Уголовное уложение 1903 года дает более емкую и краткую формулировку закона: «убийство, совершенное способом, особо мучительным для убитого». Оба уложения, вследствие достаточного уровня развития национального права, имеют ряд научных и правовых разъяснительных комментариев от специалистов того времени.

Наши современники так же не обошли соответствующие документы стороной. Н.С. Таганцев, раскрывая положения Уложения 1845 года, пояснял относительно состава убийства, совершенного при помощи средств, указывающих на особую злобу и жестокость правонарушителя, писал: «В эту категорию следует отнести следующие виды преступлений:

- убитый лишается жизни через истязание;
- убитый перед гибелью подвергался каким-либо жестоким мучениям, большей или меньшей степени жестокости.

Стоит отметить, что само Уложение не предлагает более точных определений условий, составляющих признак особой жестокости, предлагая по умолчанию, опираться на практику, руководствуясь конкретными обстоятельствами каждого отдельного случая преступления. Констатировать же наличие признака особой жестокости предлагается присяжным, при этом никто, конечно, не ручается за единообразие вынесенных приговоров и отсутствие ошибок при квалификации деяния.

Интересно ещё и то, что п. 2 ст. 1453 должен был применяться и там, где истязания и мучения потерпевшего были причиной смерти, и в равной степени там, где преступник использовал муки потерпевшего для утоления ненависти или противоестественного влечения, а смерть произошла от других причин. При издании Уложения 1903 года Члены Редакционной комиссии подчеркивали, выпуская соответствующий комментарий, что основой для ужесточения ответственности за убийство служит субъективный фактор (отношение самого преступника к ситуации). Если совершивший преступление человек, имел злую волю на то, чтобы не только отнять у потерпевшего жизнь, но и при этом заставить жертву испытать физическую муку, боль, страдания, то преступление квалифицированное, по признаку совершения с особой жестокостью.

Особо отмечалось что: «Убийство выстрелом из ружья или отравлением не подойдет под разбираемый случай, хотя бы, благодаря особенностям нанесенной раны или свойствам отравы, пострадавший умирал в медленной агонии, в страшных муках; напротив того, убийство, совершенное поджариванием тела на медленном огне, отрыванием или отрезанием тела по кускам и т. д., остается квалифицированным, хотя бы с первого же момента жертва впала в бессознательное состояние и потеряла чувствительность. При этом также безразлично, составляли ли эти истязания и мучения самый процесс убийства, были ли средством в тесном смысле, или же они само по себе вовсе не содействовали ускорению смерти, как, например, предварительное сечение розгами, вырывание волос, вырезание кусков кожи, вывих отдельных членов и тому подобные истязания». Следовательно, авторы Уложения 1903 года, предлагали считать убийство совершившимся особо мучительным для жертвы способом, в том случае, если субъект преступления намеренно стремился к причинению потерпевшему мук и страданий. При этом совершенно не важно, удалось ли виновному претворить задуманное в жизнь. Подобная формулировка позволяет усмотреть противоречие. Закон содержит указание только на способ совершения убийства. Тогда как составители комментария указывали на наличие у преступника специальной цели (причинение физической боли и страданий).

Однако, если преступление характеризуется наличием у преступника специальной цели, почему эта цель не нашла отражение в законе, как квалифицирующий признак убийства с особой жестокостью? Можно предположить, что авторы Уложения и комментариев предпочли дать расширительное толкование подготовленного законодательного документа. В Уложении 1903 года и комментариях к нему, отсутствует указание на толкование действий убийцы, который не хотел причинять намеренно страдания жертве, но в

силу определенных обстоятельств выбрал именно особо мучительный способ лишения жизни [6, с. 14].

После Октябрьской революции 1917 года, некоторое время многие отрасли права не знали достаточной регуляции. Однако, уже Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов предусматривали ужесточение ответственности за убийство, совершившееся особенно мучительным способом для убиенного. Обращаясь к Уголовному кодексу РСФСР 1926 года, к п. «в» ст. 136 можно заметить, что в этом пункте предусматривается уже повышенное наказание за убийство, если способ совершения особо опасен для общественной жизни, либо для потерпевшего. Авторы, работавшие после революции, не далеко ушли в трактовке убийства, совершавшегося способом особо мучительным для потерпевшего, от своих дореволюционных коллег. Профессор А.А. Жижиленко, комментировавший Уголовный Кодекс РСФСР 1926 года, полагал, что стоит отличать особо мучительный способ от простого проявления жестокости. Ведь жестокость – это признак присущий большинству убийств. Особо мучительный способ имеет место тогда, когда преступник намеренно мучил и истязал потерпевшего. По мнению Жижиленко, можно признать убийство, совершаемым особо мучительным для потерпевшего способом, только если причинение особых страданий были отдельной целью совершения действий преступника [6, с. 15].

В 1960 году в Уголовном Кодексе РСФСР произошли изменения, в частности подверглась усовершенствованию формулировка закона, касающегося убийства. Рассмотрев п. «г» ст. 102 УК РСФСР очевидно, что в данной статье ответственность предусматривается уже за убийство, которое было совершено «с особой жестокостью». То есть в Уголовном Кодексе 1926 года квалифицирующим признаком является особо мучительный способ, а в Уголовном Кодексе 1960 года – особая жестокость. Особо мучительный способ, конечно, намного более узкое понятие. Конечно, современники закона 1960 года, расходились в толковании термина «особая жестокость», но большинство научных деятелей от юриспруденции, а также практикующих юристов, сходились во мнении, что новая формулировка законодателей была намного более удачной. Н.И. Загородников полагал, что указывание на признак особой жестокости даёт более краткое и четкое определение отягчающему обстоятельству, демонстрирующему опасность и неприемлемость способа действий преступника, их последствий в форме предсмертных мук и страданий жертвы, а также негативизм личности убийцы.

М.К. Аниязц указывал: «Указывание на особо мучительный способ совершения убийства не могло охватить всех случаев убийств, в которых прослеживалась особая жестокость в действиях преступника, а это в свою очередь зачастую вызывало неразбериху в судебной практике. При этом дело не в замещении одного определения другим, сходным, а в том, что в термин вкладывается иное содержание. Определение «особая жестокость» можно назвать уточняющим, широким, охватывающим все многообразие рассматриваемых случаев, в которых убийство с умышленной формой вины, приобретает особую опасность для общества. Само собой, что убийство будет квалифицировано совершенным как особо жестокое, если оно совершалось и особо мучительным

для убитого способом» [6, с. 34].

Формулировка, данная законодателем в п. «г» ст. 102 УК РСФСР 1960 г. была столь удачной, что при разработке п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ 1996 года, её повторяют, несмотря на кардинальные отличия страны-правопреемника. С одной стороны, этот факт говорит о том, что диспозиция соответствующего закона получилась весьма удачной, с другой, свидетельствует о наличии большого пласта юридического опыта, касающегося теории и практики уголовного права. Опыт этот можно использовать при решении проблем с квалификацией убийств, совершавшихся с особой жестокостью. То есть законодатель не оказался не готов отказаться от практической базы в пользу другого определения.

Несмотря на то, что правовая формулировка состава квалифицированных убийств, совершенных с особой жестокостью, весьма сильно отличалась в различные исторические периоды и в национальном российском, и в зарубежном праве, нельзя не признать, что состав данного преступления имеет богатую историю в правовой среде.

В действующей редакции Уголовного Кодекса РФ, в Особенной части, существует перечень статей, предусматривающих за совершение преступлений «с особой жестокостью» ужесточение ответственности, по сравнению с неквалифицированными деяниями сходных составов.

Пункт «д» части 2 статьи 105 УК РФ содержит описание убийства, совершенного с особой жестокостью. Для примера можно так же отметить статью 110 УК РФ – где описывается деяние, состоящее в доведении до самоубийства или в покушении на самоубийство при помощи жестокого обращения с потерпевшим или унижения человеческого достоинства жертвы. Современное уголовное законодательство имеет намного более усовершенствованный категориальный аппарат, так как применение права на практике требует четкой терминологии и точных формулировок. Но и на современном этапе развития права в УК РФ сохраняются термины и категории, нуждающиеся в уточнении, так как их прикладное использование порождает большое количество затруднений [3, с. 23].

Особая жестокость является одним из таких понятий, ведь, в уголовном праве, данный признак может выступать в двух вариантах, а точнее: в виде отягчающего наказание обстоятельства (учитывается при назначении наказания при вынесении приговора), и в качестве квалифицирующего признака в некоторых составах преступлений, одним из которых является убийство. По мнению большинства современных ученых, с которыми вполне согласен законодатель, обстоятельство, выступающее квалифицирующим признаком, не может одновременно выступать, как отягчающее наказание. Этой точки зрения придерживается, в частности А.В. Бриллиантов. Этот автор указывает, что если особая жестокость является признаком состава преступного деяния, то суд не должен учитывать его повторно, при назначении наказания. И, это несмотря на то, что в пункте «и» части 1 статьи 63 УК РФ законодатель прямо указывает, в исчерпывающем перечне отягчающих обстоятельств, что совершение преступления с особой жестокостью, издевательствами, садизмом, и причинением мучений

потерпевшему, является отягчающим обстоятельством [14, с. 60].

Главной целью в данной области для современного законодателя является формулирование наиболее точного определение понятия «особая жестокость, как квалифицирующий признак при совершении преступления», при помощи определения отдельных составляющих для этой категории. Отечественная психология, однако, начала рассматривать вопрос жестокости, как самостоятельную проблему, выходящую за рамки иных терминов, таких как насилие и агрессия, весьма недавно. Очень трудно бывает отличить жестокость при совершении преступления от особой жестокости, но подобное отграничение необходимо, так как позволяет выяснить использовать ли обстоятельство применение жестокости при квалификации, или при назначении наказания.

В современном научном мире нет однозначного подхода к пониманию особой жестокости и в научных теоретических изысканиях, и в работе правоприменителей. Суждения по этой теме разнообразны, и, зачастую, диаметрально противоположны. Наиболее заслуживающими внимания представляются два противоположных подхода, позволяющих иллюстрировать разнообразие взглядов науки и права на этот вопрос. Первая точка зрения принадлежит ученым правоведом, которые рассматривают особую жестокость и как признак, учитываемый при квалификации, и как отягчающее наказание обстоятельство, и поэтому стремятся найти отличия, позволяющие разделить эти две категории.

«Стоит отметить то, что законодатель наряду с понятием особая жестокость во многих статьях УК РФ применяет близкие понятия к особой жестокости. Среди них можно отметить следующие, встречается и жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства, издевательства, мучения, причинение каких-либо физических или же психических страданий и др.». Но в то же время в п. д ч. 2 ст. 105 УК РФ используется только одно понятие – особая жестокость. Возникает вопрос о соотношении данных понятий. Каковы же основные взгляды на значение данных терминов, содержащиеся в правовой литературе?

Ряд исследователей обращается к толковым словарям русского языка. Так, С.И. Ожегов в своем словаре жестокость раскрывается через понятие жестокий, т. е. крайне суровый, безжалостный, беспощадный. Следовательно, можно предположить, под особой жестокостью крайнюю степень проявления безжалостности и беспощадности виновного при совершении преступления. «Однако несколько настораживает то, что и жестокость определяется как крайняя безжалостность и беспощадность. В связи, с чем возникает оценочное понятие крайняя безжалостность и беспощадность, особая жестокость, что не облегчает работу с данным понятием». Ю.М. Антонян считает, что «жестокое поведение – это нечто иное, как преднамеренное и вполне осмысленное причинение другому человеку боли, страданий ради достижения других целей или же ради них самих. Также он считает, что побуждение субъекта обуславливаются природой жестокости, а в итоге сами же страдания, причиняемые человеку, служат результатом какой-либо цели или же являются таким вот результатом поведения».

Обобщая, под жестоким поведением (жестокость) в уголовно правовом аспекте стоит понимать умышленное причинение физических, в том числе нравственных страданий. Жестокость по своему содержанию шире таких понятий как мучения, истязания, пытки, издевательства, проявления садизма (данный перечень является открытым) и включает их в себя как способ проявления, так как все эти действия имеют одну цель, а именно причинение физических и(или) нравственных (психических) страданий [21, с. 14].

Таким образом, проявлением жестокости является:

Во-первых, систематическое унижение человеческого достоинства.

Под данным явлением понимается проявления унижительного обращения с потерпевшим совершенное неоднократно, охваченное единым умыслом и выражающееся в единой линии поведения субъекта. Например, совершение действий, оскорбляющих честь и достоинство, распространении клеветнических сведений, травле, несправедливой критике (придириках) и т. д. Данному понятию очень близко издевательство. Под которым в великом и могучем русском языке понимается зло и оскорбительно высмеивание кого-то или чего-нибудь.

Во-вторых, причинение мучения потерпевшему.

Если принимать во внимание толковый словарь русского языка, определяющий «Мучения как страдание, которые включают в себя физическую или нравственную боль, в современном контексте моральный вред», то, в перечень войдут «мучения, выражающиеся в действиях, причиняющих страдания, вызывающие заболевания или смерть пострадавшего путем:

- продолжительного времени лишения человека еды, воды, тепла, сна;
- не предоставление потерпевшему нормальных условий, которые необходимы для поддержания здоровья;
- и другие действия, подобные данной ситуации».

В качестве примера можно привести ситуацию, когда преступник будучи единственным родственником несовершеннолетнего, его дядей и желая заполучить оставшуюся после смерти родителей квартиру ребенка, умышленно создал условия при которых ребенок простудился и долгое время оставался без медицинской помощи в обстановке создающей угрозу его жизни (открытое окно в зимнее время года, отсутствие одежды и одеяла при высокой температуре и наличии кашля). «Синонимом мучения, является категория истязания» под которой, в русском языке понимается жестоко мучить (физически или нравственно).

В-третьих, путем проявления садизма. «Под которым понимается извращение, очень часто половое, при котором имеет место чувство удовлетворяется причинением физической боли другому лицу, стремление к жестокости, наслаждение чужими страданиями». Уже на основе приведенных точек зрения разных авторов под особой жестокостью при убийстве понимается причинение жертве физической и нравственной боли, страданий. Получается, что виновный не только отбирает у потерпевшего самое ценное – его жизнь и здоровье, но и он поступает сознательно, когда причиняет ему страдания. И поэтому сочетание самого процесса убийства с обдуманными, умышленными причинениями

страданий потерпевшему, которые выходят за грани процесса причинения смерти и образует в уголовном законодательстве понятие особая жестокость [33, с. 19].

Стоит отметить позицию Р.М. Раджабова, полагающего, что «убийство с особой жестокостью не должно вменяться, если избранный способ лишения жизни вытекает из-за отсутствия выбора действовать иначе в данной конкретной ситуации и не имеет целью причинение особых мучений и страданий даже если они объективно потерпевшему были причинены».

В качестве примера можно привести ситуации:

- когда лицо, в состоянии раздражения наносит неоднократные хаотичные удары жертве первым попавшимся под руку предметом в данном случае нет особой жестокости, так как умысел субъекта направлен на причинение смерти и не преследует желания причинить ей дополнительные страдания;
- когда, желая причинить особые страдания жертве преступник наносит удары по степени их значимости для жизнедеятельности от незначительных к более серьезным, в данном случае имеет место особая жестокость.

В этом проявляется нечеловеческая безжалостность и беспощадность виновного лица.

В настоящее время продолжается активная дискуссия предметом которой, является определение соотношения между собой оценочных понятий, вызванных различиями в их толковании.

Второй диаметральный подход, который также имеет место в правовой литературе, но он в силу противоречия действующему законодательству не распространён. «Это подход, который переключается с правом ряда развитых европейских стран, для которого характерно отсутствие различий в понимании жестокость и особая жестокость, так как любое убийство жестоко по своей сути», а определение особая является оценочным, т. е. большей частью субъективным, противоречащим принципам и нормам уголовного права, расширяющим субъективное внутреннее усмотрение правоприменителя.

«Сторонники данного подхода считают то, что на данный момент времени не целесообразно давать законодательное определение и закрепление жестокости. Они аргументируют свою точку зрения так, что общие положения вряд ли внесут какой-то большой вклад в практику применения, это все превратится в бесконечный процесс дополнений уголовного законодательства» [22, с. 42].

Подводя итог, стоит отметить следующее:

Во-первых, российский законодатель, вводя понятие особая жестокость, стремился сделать наказание более справедливым и адекватным преступлению.

Во-вторых, большинство авторов пытаются показать разницу между понятиями жестокость и особая жестокость, но все же большей частью они сводятся к употреблению эпитетов только к понятию жестокость.

В-третьих, среди правоведов нет единства мнения и соотношении понятий значение, которых сходно к понятию жестокость (мучения, страдания, истязания, пытки, садизм, издевательство и т. д.).

В-четвертых, нельзя забывать то, что решение вопроса о наличии в действиях лица жестокости, особой жестокости, либо ее отсутствие зависит помимо

субъекта преступления и правоприменителя, квалифицирующего его действия в большей мере от морально-эмоциональной атмосферы в обществе, также его ценностей, от уровня нравственности, о взглядах о доброте и жестокости в обществе.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время уголовно-правовая наука, к сожалению, не сформулировала понятия жестокость и особая жестокость, что лишает законодателя возможности закрепления данной дефиниции и ее признаков в УК РФ. В то же время, проведя анализ научных трудов, стоит исходить из следующего научно обоснованного понимания особой жестокости как квалифицирующего признака.

«Особая жестокость – это умышленное действие или же бездействие, которое состоит в причинении потерпевшему тяжелого страдания, физической боли, психического страдания».

Из данного определения можно сделать следующие выводы.

Во-первых, особая жестокость – это оценочная категория, определяющая способ и приемы (сожжение заживо и т. д.), используемые при совершении преступления, а также поведение и действия преступника, в том числе бездействие, направленное на получение дополнительных страданий (истязание, пытки и т. д.). При этом садизм, мучения, издевательства, мучения для потерпевшего и другие аналогичные действия охватываются понятием особой жестокости.

Во-вторых, слово «особая» правоприменителем и большинством авторов расцениваются как дополнительные не обязательные при данном способе убийства действия, охваченные умыслом преступника.

Само понятие «жестокость» в современной учебной литературе можно рассматривать в двух аспектах.

Во-первых, жестокость выступает как свойство личности.

Во-вторых, жестокость выступает как свойство деяния. В работе достаточно полно рассмотрен тот аспект, где жестокость выступает как свойство деяния.

Стоит рассмотреть понятие жестокости как свойство личности, субъекта убийства, имеющее значение, при определении субъективной стороны в сравнении с понятием агрессивности. Изначально вопросы агрессивности, жестокости и особой жестокости при совершении преступления исследовались в основном учеными в области: психологии и психиатрии с целью выработки методик лечения; криминологии для выявления причин и выработки профилактических мер при борьбе с преступностью; криминалистики для разработки методик направленных, на эффективное расследование преступлений, в том числе серийных. Освещению данной темы были посвящены исследования С.Н. Ениколопова, О.Ю. Михайловой, А.Р. Ратинова, О.Д. Ситковской и др. Подход к понятию жестокости как свойство личности схоже с понятием агрессивности. Стоит отметить то, что жестокость является человеческой особенностью по сравнению с другими живыми существами. «В природе большинство организмов действует в силу инстинктов, заложенных в нем природой, для удовлетворения чувства голода.

По мнению, С.Н. Дружкова, «человек же является социальным и, убивая своего сородича, или же совершенного незнакомого ему человека ради достижения каких-либо целей, он осознает либо ощущает на бессознательном уровне безнравственность своего поступка, что и вызывает приступ агрессии либо жестокости» [21, с. 109].

Человек может проявлять жестокость по отношению ко всем живым существам. Однако, прежде всего, он проявляет ее по отношению к себе подобным. Эта человеческая особенность уже давно отмечена словами о том, что люди лучше всего умеют хранить камни и металлы, менее растения, еще менее животных и всего меньше человека. По сути своей жестокость является признаком человеконенавистничества. Ведь если человек, относится к своей жизни и здоровью, так как будто это есть наивысшая ценность, впрочем, так оно и есть, то такой человек не будет причинять боли, мучения другому человеку, смотреть на то, как другой человек испытывает страдания.

Проблемам определения значения и причин формирования жестокости и агрессии и их соотношению между собой посвящены работы Ю.М. Антонян. Так, в своих работах он выделял «агрессивность – как особенность самой личности (черты человека), в то время как агрессия, по его словам, это нечто иное, как соответствующее поведение, которое преобладает у той или другой личности (т. е. проявление своей силы в отношении других людей)»». Жестокость же представляла собой намеренное и осмысленное причинение другому человеку мучений и страданий». Согласно исследованиям в данном вопросе Х. Хекхаузена, то можно сказать, что он под агрессией понимал только намеренные действия с целью причинения вреда другому человеку. В его работах присутствует разделение на виды данной агрессии. Таким образом, он выделяет реакцию на определенные ситуации, такая агрессия получила название реактивной, и есть спонтанная реакция.

Похожая классификация проявления жестокости приводилась Ю.М. Антоняном, который считал то, что «жестокость может быть преднамеренной или импульсивной, сознательной или несознательной (когда преступник, желая причинить страдания не осознает и не может объяснить причины своего поведения)». Исходя из этого, можно утверждать, что анализ факторов, которые способствуют развитию таких качеств личности, как агрессивность и жестокость необходим для исследования проблем агрессивного и жестокого поведения. Теперь обратимся к зарубежной литературе по психологии и психиатрии и посмотрим, как авторы описывают возникновение и проявление жестокого и агрессивного поведения [23, с. 19].

3. Фрейд заложил основы рассмотрения психологических механизмов агрессивности человека своим учением о двух фундаментальных инстинктах, а именно: инстинкте жизни (имеющим в своей сути созидательное начало) и инстинкте смерти (представляющего начало разрушительное). Именно с инстинктом смерти связывается агрессивность. Данные инстинкты, исходя из учения Фрейда, являются врожденными, вечными и неизменными, этим он и объясняет агрессивность. Он считает, что накопившаяся «бурная» энергия должна

все-таки получать разрядку во вспышках агрессивности, которые могут перерасти в жестокость при некоторых изменениях ценностных свойств человека». По данному поводу можно сказать, что именно нарушение ценности жизни и здоровья человека лежат в основе жестокости. На этот счет, имеется замечание русского ученого И.П. Павлова, который утверждает, что «инстинкты влияют и на характер, и на жизнь человека в целом, и они проявляются как результат интегрирования врожденных реакций с условными» [25, с. 32].

На личность в современном мире идет нескончаемое влияние разных по природе явлений. На человека влияет само общество, своя семья, социальный статус, коллектив - будь он учебный или же трудовой и многое другое. Например, если разобрать вопрос на основе неблагоприятной семьи, как же она влияет на личность человека. В этом случае такая семья не может обеспечить нормальное становления личности, потому что она стимулирует только агрессивное поведение в будущем, жестокое обращение с детьми, а также способствует развитию агрессивной ориентации (действия, которые направлены против личности, ее жизни и здоровья, к ним мы уже говорили относятся убийства, побои с целью какой-либо выгоды). Сам процесс формирования жестокого и агрессивного поведения личности человека проходит путь в процессе ошибок либо негативных условий при ее социализации вне семьи. Например, «в советской криминалистической литературе описывался случай серии жестоких убийств молодых учительниц.

Преступником оказался молодой человек, которому в детстве учитель применил не подходящий воспитательный прием, который впоследствии, выразился в ненависть, агрессию и жестокость по отношению ко всем учителям. Негативная социализация личности происходит также и в местах лишения свободы. Обще признано то, что, к сожалению, редко кого тюрьма исправляет. Хотя как нами уже отмечалось человек является социальным существом и инстинктивное поведение не играет определяющей роли в его жизни» [24, с. 11].

Индивид может противостоять среде и в большей степени может создавать ее сам. Люди не совершают преступления, особенно самые тяжкие и ужасные благодаря душевным качествам, которые удерживают его от жестокости и насилия по отношению к окружающим. Так, например, пройдя через тюрьмы, лагеря и репрессии не все утратили человечность, а наоборот сами стали нравственными светилами и ориентирами (например, Ф. Достоевский, А. Солженицын, В. Шаламов и др.) [26, с. 18].

Стоит для справедливости отметить то, что данные примеры единичные, обычно учреждения лишения свободы чаще всего становятся школой для криминального поведения. Когда человек, освобождаясь, становится более агрессивным и жестоким, так как ему уже не страшно туда возвращаться, и у него появляется потребность в проявлении жестокости.

Ученые, В.Н. Кудрявцев и Н.А. Барановский в своих работах объясняют агрессивное и жестокое поведение индивида, тем что индивид без этого не может жить, ему нужно совершать такие действия уже скорее всего для себя, для выплеска этой агрессии. В.Н. Кудрявцев, считает, что «человеческие потребности

наиболее часто выступают мотивированной основой их преступного поведения. И получается, что месть и личная неприязнь выступают потребностями насильственной преступности, которые не связаны с корыстными целями».

У других ученых бытует другое мнение, они утверждают, что причина такого агрессивного поведения кроется в страхе за себя и также возможно в отчужденности. Ю.М. Антонян и М.И. Еникеева предполагают, что «наличие агрессивности, состоит в подозрительности, в которой находятся убийцы, т. е. они ждут нападения на себя извне, и поэтому всегда находятся в напряжении и агрессивном состоянии». «К субъективным факторам жестокого и агрессивного поведения относят аномалии в психическом здоровье. То есть, у тех людей, которые страдают психическим расстройством, происходят очень частые смены и внезапные смены настроения и в основном в сторону не особо приятную».

По Уложению 1845 г. (ст. 1453) совершением убийства общеопасными средствами и способами признавались разнообразные действия, предусмотренные в законе. Н.С. Таганцев, комментируя ст. 1453 Уложения, предусматривавшую ответственность за убийства, совершенные средствами, подвергающими опасности жизнь многих лиц, писал, что к ним могут быть отнесены следующие ситуации:

- когда убийство учинено через поджог;
- через произведенное взрывом пороха или газа, или иным образом разрушение строения;
- или же через учиненное прорыванием плотины или иным каким-либо способом потопление;
- или же через порчу мостов железных дорог;
- или же через выстрел в толпу людей, хотя и для лишения жизни одного человека;
- или же вообще через такие действия, от коих подвергается гибели или опасности несколько лиц и целое селение или город.

Достаточно сказать, что удалось обнаружить только одну статью, посвященную квалификации убийства, совершенного общеопасным способом.

Этот факт дает право признать все указания, сделанные в ст. 1453, только примерами, а не придавать им исчерпывающего значения. Для усиления ответственности необходимо только, чтобы эти средства причинили гибель или подвергли опасности жизнь нескольких лиц и чтобы преступник выбрал именно эти средства для осуществления своего преступного плана лишить кого-либо жизни, причем совершенно безразлично: предвидел ли он опасность, проистекающую от его действия, для других лиц, допускал ли он их гибель – или нет [27, с. 38].

В Уложении 1903 г. применительно к рассматриваемому составу была использована формулировка «способом, опасным для жизни многих лиц», поскольку перечень средств или способов представлялся не только излишним, но и мог послужить основанием для неверных выводов. По мнению членов Комиссии, подготовившей проект Уложения 1903 г., установление опасности

способа для жизни многих лиц должно производиться исходя из особенностей каждого конкретного случая.

Для вменения состава этого вида убийства рекомендовалось установить, что виновный, задумав лишить кого-либо жизни, выполнил его способом, оказавшимся при данных условиях опасным для жизни нескольких лиц, или приступил к осуществлению такого убийства. С точки зрения состава преступления безразлично, какой вид умысла был у виновного к гибели других лиц, а также последовала или нет их смерть.

В комментарии к проекту Уложения излагались различные ситуации и варианты квалификации действий виновного лица. Поскольку эти рекомендации представляют не только исторический, но и теоретический и практический интерес, приведем их:

– если желающий лишить кого-либо жизни выбрал для этого средством поджог дома, в котором, кроме жертвы, были и другие люди, возможность смерти коих виновный хотя и предвидел, но относился к этому безразлично, то возможны несколько случаев:

а) если жертва преступления сгорела, а другие лица успели спастись, или получили ожоги и раны, или также сгорели, то виновный при всех этих комбинациях будет отвечать за квалифицированное убийство по пункту 6;

б) если лицо, которого смерти желал виновный, осталось живым, но сгорели другие лица, бывшие в доме, то виновный также отвечает за убийство квалифицированное, так как пункт 6-й объемлет убийство по непрямому умыслу, выполненное общепасным способом;

в) если не последовала ничья смерть, то виновный будет отвечать только за покушение на квалифицированное убийство;

– если виновный, учинивший поджог с намерением на убийство, благодаря особенностям психического состояния в этот момент, хотя и сознавал характер способа и средств, им употребленных, но не предвидел однако возможности смерти других лиц, то деяние его, оставаясь квалифицированным убийством, будет считаться или оконченным убийством, если смерть предполагавшейся жертвы последовала, или покушением на убийство, если таковая не произошла, безотносительно к тем последствиям, которые проистекли для других лиц из данного деяния.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что по Уложению 1903 г. убийство признавалось квалифицированным во всех случаях, когда виновный для убийства жертвы избрал способ, опасный для многих, даже при отсутствии умысла на причинение смерти иным лицам [28, с. 92].

В УК РСФСР 1922 и 1926 гг. повышенная ответственность также устанавливалась за убийство способом, опасным для жизни многих людей. Для данных Кодексов характерно то, что в одном пункте статьи, предусматривавшей ответственность за квалифицированные виды убийства, содержалось два признака. Так, в п. «в» ст. 136 УК РСФСР 1926 г. речь шла об убийстве способом, опасным для жизни многих людей, и особо мучительным для убитого. Видимо, законодатель исходил из того, что в обоих случаях основанием выделения

квалифицированного вида убийства является способ совершения преступления. Наибольшую сложность при квалификации по п. «в» ст. 136 УК РСФСР вызывало толкование способа убийства.

Например, в Комментарий к Уголовному кодексу отмечалось: «Трудность установления наличия этого признака заключается в условности понятия «многих» людей, которые подвергаются опасности при совершении убийства. Так как повышенная социальная опасность этого вида убийства характеризуется сознательным допущением смерти не только лица, на жизнь которого непосредственно направлено посягательство, но и других лиц, то нам кажется допустимым расширительное толкование данного признака. Примером разбираемого нами вида убийства может служить поджог населенного дома с целью лишить жизни запертого в комнате одного из жильцов дома, выстрел в группу людей с целью убить определенное лицо и т. п.» [29, с. 12].

В УК РСФСР 1960 г. ответственность за убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей, предусматривалась в п. «д» ст. 102.

В п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» от 3 июля 1963 г. № 9 отмечалось: «Для квалификации умышленного убийства как совершенного способом, опасным для жизни многих людей, необходимо установить, что, осуществляя умысел на убийство определенного лица, виновный применял такой способ причинения смерти, который заведомо для виновного был опасен для жизни не только одного человека» [7, с. 16].

Однако в данном Постановлении Пленума Верховного суда СССР ничего не говорилось о последствиях, которые наступили или могли наступить в результате реализации умысла на убийство способом, опасным для жизни многих людей.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 содержалась следующая рекомендация: «В случае причинения телесных повреждений другим лицам действия виновного надлежит квалифицировать, помимо п. «д» ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, также по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение телесных повреждений» [30, с. 45].

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 22 декабря 1992 г. № 15 не внесло ничего принципиально нового в толкование убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей [17, с. 90].

В УК РФ 1996 г. ответственность в п. «е» ч. 2 ст. 105 предусматривается не за убийство способом, опасных для жизни многих, а за убийство, совершенное общеопасным способом.

Разъяснение судам по применению п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ дано в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1: «Под общеопасным способом убийства (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления

воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди). Если в результате примененного виновным обще опасного способа убийства наступила смерть не только определенного лица, но и других лиц, содеянное надлежит квалифицировать, помимо п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в случае причинения другими лицам вреда здоровью – по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям УК, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

В тех случаях, когда убийство путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом сопряжено с уничтожением или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, содеянное, наряду с п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 или ч. 2 ст. 261 УК РФ». Особенностью приведенного разъяснения Пленума Верховного суда РФ является то, что впервые предложена рекомендация о правилах квалификации действий виновного лица в тех случаях, когда наступили последствия, выходящие за рамки состава убийства, совершенного общеопасным способом. В частности, когда погибли иные лица либо убийство было сопряжено с уничтожением или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд [31, с. 20].

Выводы по разделу 1

Право на жизнь, является одним из наиболее важных прав человека, которое государство обязуется защищать. Гарантией выполнения данного обязательства является механизм государственного принуждения, выраженный в системе правоохранительных органов, осуществляющих преследование нарушителей, и в системе исправительных учреждений, преследующих карательную цель (реализация заявленной в законе главной цели этих учреждений – «исправление» – весьма сомнительна). Убийство – одно из наиболее тяжких преступлений в отношении личности, поскольку ведет к необратимому прекращению индивидуального существования человека. Исторически, более суровому возмездию подвергались правонарушители совершавшие квалифицированные (более тяжкие) преступления. Примером квалифицированных составов убийства могут служить убийства, совершенные с особой жестокостью или общеопасным способом.

В рамках Уголовного Кодекса РФ: «убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку» (часть 1 статьи 105 УК РФ). То есть в российском законодательстве при совершении убийства возможно наличие только умышленной формы вины. Государство, посредством права, охраняет жизнь любого индивидуума от начала рождения до момента биологической смерти. При этом не имеют значения возраст, пол, религиозные, политические предпочтения личности, а также её социальная полезность и иные качества. Для правовой охраны жизни достаточно принадлежности к человеческому виду. Рождением можно считать тот момент, когда из организма рожающей женщины появляется хотя бы часть тела младенца, на которой заметно сердцебиение. Смерть законодатель рассматривает как наступление необратимых изменений в клетках

кору больших полушарий головного мозга человека.

При квалификации убийства выделяют следующие признаки:

Субъективная сторона, прежде всего, характеризуется умышленной формой вины, причем умысел прямой. Объективная сторона характеризует убийство, как деяние, которое может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия (бездействие возможно, только, если у субъекта есть обязанность отвечать за жизнь потерпевшего). Субъектом может выступать вменяемое физическое лицо (человек), достигшее 14 лет. Низкий возрастной предел наступления уголовной ответственности объясняется тяжестью противоправного деяния. Объектом преступления выступают общественные отношения, направленные на охрану жизни и здоровья человека.

Такой состав преступления как убийство, имеет богатую историю своего становления в национальном праве России, начиная от договоров Великих Князей Олега и Игоря, и заканчивая Уголовным законодательством Российской Федерации. Квалифицированные составы так же выделялись сравнительно рано, но квалифицирующие признаки существенно отличались от современных. В современном законодательстве, помимо прочих, к квалифицированным убийствам относятся убийства с особой жестокостью и убийство, совершенное общеопасным способом. Особой жестокостью может считаться умышленное действие или же бездействие, которое состоит в причинении потерпевшему тяжелого страдания, физической боли, психического страдания.

Общеопасный способ убийства подразумевает под собой, способ умышленного лишения жизни потерпевшего, который, заведомо для субъекта преступления, является опасным и может причинить смерть не только потерпевшему, но и хотя бы еще одному лицу (к примеру, при взрыве, поджоге, при производстве выстрелов в тех местах где скапливаются люди, при отравлении еды и воды, если их используют другие люди, не только потерпевший). Исследование указанных квалифицированных составов представляет известный практический интерес, поэтому будет продолжено во второй главе.

2 ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИЗНАКОВ УБИЙСТВА, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ПУНКТАМИ «Д» И «Е» ЧАСТИ 2 СТ. 105 УК РФ

2.1 Особенности квалификации признаков убийства совершенного с особой жестокостью

Очень важно решить вопрос о тех признаках, обстоятельствах, которые свидетельствуют, что убийство было совершено с особой жестокостью.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отмечает, что определение «особая жестокость» соотносится со способом совершения убийства, и с иными обстоятельствами, которые свидетельствуют о проявлении преступником особой жестокости [32, с. 26]. Данная рекомендация, позволяет предполагать, что убийство можно признать совершаемым с особой жестокостью, если есть объективные факты, что присутствуют обстоятельства, свидетельствующие о проявленной преступником особой жестокости в момент совершения преступления. Задача правоприменителя состоит в установлении в каждом определённом случае установить наличие обстоятельств, свидетельствующих о наличии в поступках преступника особой жестокости. Затруднение возникает потому, что данные обстоятельства не определены в УК РФ, или в Постановлении Пленума Верховного суда РФ. Доктрина уголовного права не может предложить однозначного решения этой проблемы.

Некоторые авторы полагают, что особая жестокость в совершении убийства может наблюдаться лишь в способе совершения, а все иные обстоятельства лишь подтверждают, что преступник применял способ убийства, характеризуемый как особо жестокий. С.М. Корабельников, говорит о том, что следует выявить «особые обстоятельства», способные характеризовать убийство исключительно жестоким. Эти обстоятельства связываются и со способом совершения действия (бездействия), и с субъективной стороной состава. Позиция Т.В. Кондрашовой сходна с вышеприведенной. Она полагает, что определение особой жестокости предполагает, в первую очередь, способ, которым было совершено преступление и в некоторой степени особенности личности преступника [34, с. 28].

А.Н. Красиков так же считает признаком убийства, совершенного с особой жестокостью лишь способ причинения смерти, то есть такие действия преступника, как множественность ранений у пострадавшего нанесенных непосредственно перед причинением смерти, пытки, истязания человека, сожжение потерпевшего заживо и тому подобные факты. А. Игнатов полагал, что особой жестокостью может считаться, способ, если он мучителен для жертвы, то есть причиняет потерпевшему перед гибелью особые физические и (или) моральные муки; либо причинение особо сильных моральных мук близким пострадавшего, если близкие являются свидетелями убийства [34, с. 64]. В.Г. Беляев и Н.М. Свидлов настаивают на том, что убийство, совершенное с особой жестокостью – это «чрезмерное» преступление, так как выполняется при помощи таких способов, приемов, без которых вполне можно обойтись при

лишении жизни человеческого существа. То есть характерный признак указанного преступления – способ его совершения. Однако, в определенных случаях, определение особой жестокости при убийстве можно произвести, учитывая и иные обстоятельства. К ним относят:

- убийство в присутствии лиц, которые были близки потерпевшему, если преступник знал, что своими действиями причиняет жертве и (или) её близким особые страдания;
- осуществление глумления над телом, исключая случаи уничтожения трупа или его расчленения, для сокрытия следов совершенного преступления;
- обстоятельства, когда в момент лишения жизни и (или) перед совершением убийства, преступник сознательно применял к потерпевшему истязания и (или) пытки [35, с. 39].

С.И. Тишкевич предполагал, что особую жестокость можно обнаружить в трех аспектах:

- при причинении пострадавшему особых физических мучений;
- при причинении особых моральных мук пострадавшему и (или) его близким;
- при проявлении беспощадности, зверских наклонностей, безжалостности особого рода при причинении смерти жертве [35, с. 42].

При этом достаточно одного аспекта, чтобы признать убийство совершенным особо жестоким способом.

А.П. Закалюк, В.Д. Жарый, В.С. Ковальский, Л.Н. Москалюк, А.Н. Шаповалова говорят о десяти признаках и проявлениях особой жестокости в процессе совершения убийства и иных преступлений насильственного характера. Эти ученые соотносят признаки особой жестокости с разными элементами, образующими состав преступления. Объективную сторону убийства, совершенного с особой жестокостью, образуют такие признаки как:

- способ причинения смерти жертве (применение до убийства или в момент совершения убийства пыток, истязаний, мучений; использование термических, химических, криогенных средств, мучительного яда, кислот, эссенций и иных подобных воздействий; многократное прижизненное поранение жертвы, иные болезненные ощущения; прямой отказ в пощаде потерпевшему, находившемуся в тяжелом состоянии; совершение убийства нескольких индивидов подряд);
- специфическая обстановка – созданная преступником или использованная им (если преступление совершалось на глазах у близких для пострадавшего людей, понимающих что делает преступник; если жертва, находилась в заведомо беспомощном состоянии из-за малолетства или старости, тяжелой болезни, при алкогольном и (или) наркотическом опьянении);
- модель реагирования преступника сразу после завершения преступления (попытки помешать оказать помощь или оставление без оказания помощи пострадавшего, который испытывает тяжелые муки; издевательства над мертвым телом потерпевшего, если только тело не уничтожается либо расчленяется для того, чтобы скрыть совершение преступления) [35, с. 45].

Как субъективные признаки совершения убийства с применением особой

жестокости можно расценивать:

- чрезвычайно бессердечное, лишенное жалости и пощады отношение к жертве и (или) её близким людям;
- наличие мотива особой жестокости, как самоцель убийства;
- понимание преступником того факта, что он своими действиями причиняет существенные физические либо психические муки;
- осознанная преступником возможность того, что его действия причиняют существенные физические либо психические муки;
- наличие прямого умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость;
- наличие косвенного умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость [35, с. 61].

Субъект, совершивший убийство с применением особой жестокости, может иметь также, особые психофизиологические, психологические черты, обычно в сексуальных аспектах, которые могут проявляться в применении к жертве весьма значительных физических мук либо психических страданий, и которые можно определить как садизм. Стоит отметить, что есть несколько мнений относительно трактовки обстоятельств, способных свидетельствовать, что убийство совершалось с применением особой жестокости.

Позиции различных авторов имеют значительные различия: некоторые отмечают, что на совершение убийства с применением особой жестокости указывает лишь выбранный способ; иные полагают, что помимо способа, на особую жестокость могут указывать и другие обстоятельства субъективного характера; значительная группа ученых полагает, что не только способ говорит об особой жестокости деяния, но и ряд других объективных обстоятельств, хотя перечень этих обстоятельств у разных авторов часто различен.

Некоторые ученые понимают проблему особенно широко и считают, что обстоятельствами, которые свидетельствуют, что преступник проявил особую жестокость, можно считать все признаки, и субъективного характера, и объективного, а также признаки, которые относятся к личности преступника, отраженной в деянии. Постановление Пленума Верховного суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» отмечает, что признаком применения особой жестокости можно считать, если сразу перед убийством или в момент лишения жизни к жертве применили: пытку; истязания; глумились над потерпевшим; жизнь отнималась способом, заведомо для преступника связанным с доставлением жертве особо сильных мук (нанесли большое количество повреждений тела, использовали мучительно действующую отраву, сожгли потерпевшего заживо, длительно лишали пищи, питья и так далее); совершили убийство на глазах близких лиц жертвы, но только если преступник понимал, что совершаемые им действия причиняют особые муки; осуществлялось глумление над телом убитого, то есть совершались действия, которые сложно без контекста расценивать как обстоятельства, говорящие об особой жестокости деяния.

Преступник проявляет особую жестокость, если в его действиях есть соответствующие обстоятельства, которые можно отнести к объективной стороне состава преступления – характерные для оценки преступления с внешней стороны. Этот факт не значит, что субъективная сторона не несёт смыслового значения при обнаружении особой жестокости в преступном деянии.

Субъективные признаки бесспорно должны выясняться в процессе квалификации преступления. Но проявление преступником особой жестокости отмечают, основываясь на свидетельстве внешних данных. Только так возможно показать, что убийство совершалось с применением особой жестокости. Целесообразно раскрыть обстоятельства, которые говорят о проявлении преступником особой жестокости, с точки зрения объективной стороны убийства с особой жестокостью, но учесть и аспекты, которые относятся к субъективной стороне данного деяния.

Объективными признаками особой жестокости в совершении убийства можно считать: способ отнятия жизни, причиняющий потерпевшему продолжительные, интенсивные физические и психические муки; обстановка совершения преступления, говорящая о доставлении жертве или её близким людям особых нравственных мук; другие обстоятельства объективного характера, указывающие на особую жестокость в совершении данного преступления. Главный субъективный признак убийства, совершенного с особой жестокостью, это наличие прямого либо косвенного умысла преступника на причинение потерпевшему мучений, при этом преступник либо желает наступления общественно опасных последствий, либо равнодушно относится к факту причинения жертве сильных, продолжительных физических либо психических мук, или осознано допускает страдания, в качестве неизбежного либо вероятного результата преступных действий (бездействия).

Исторически, уголовное законодательство России отмечает, что продолжительное время убийство считалось квалифицированным, если деяние совершалось способом, который причинял особые муки жертве. Указанный состав явился прототипом состава «убийства, совершенного с особой жестокостью». Начиная с 1960 года с особой жестокостью отождествляют помимо способа убийства, другие обстоятельства, которые свидетельствуют о демонстрации преступником, совершившим убийство, особой жестокости. Конечно, изменения в законодательстве не отрицают способ совершения убийства как критерий особой жестокости деяния.

Способ совершения преступления, в науке уголовного права определён в качестве приемов и методов, использовавшихся преступником для осуществления преступного деяния. Способ действий преступника указывает на убийство, совершенное с особой жестокостью тогда, когда жертве в момент убийства или сразу перед ним, причинялись интенсивные, долговременные физические и психические муки. Муки жертве причиняются почти всегда при осуществлении убийства, но не всегда убийство можно квалифицировать как совершенное с особой жестокостью. Значит важно определить критерии, позволяющие утверждать однозначно, что преступник причинил жертве дополнительные

физические и (или) психические муки, опираясь на избранный правонарушителем способ убийства жертвы [36, с. 9].

Многие ученые не оказывают надлежащего внимания квалифицирующим критериям, сводя пояснения к приведению примеров, где, возможно, есть состав «совершение убийства с особой жестокостью».

Н.И. Загородников полагал, что убийство, совершенное с особой жестокостью – это убийство при помощи сильных и многочисленных ожогов, ран нанесенных во множественном числе, мучительных и долго действующих ядов, то есть убийство совершенное при помощи способа очень мучительного для жертвы. Ученый полагает, что особые муки – это определяющий признак для этого типа убийства. Но сложно, пожалуй, согласиться, что особые муки, не могут трактоваться в качестве определяющего признака, ведь подобное утверждение «особые муки или мучения», само нуждается в дополнительной трактовке.

В.Г. Беляев и Н.М. Свидлов говорят о том, что убийство, совершенное с особой жестокостью – это излишнее убийство (чрезмерное), с применением приёмов, способов, которые для отнятия жизни жертвы не нужны. То есть по мнению этих авторов, убийство является отнятием жизни человеческого существа, то совершенное с особой жестокостью, а именно совершение, является способом убийства. Следовательно, у них прослеживается вывод, что к признакам квалифицированного убийства с особой жестокостью, могут относиться: многочисленные телесные повреждения, особые муки и страдания жертвы. Такой подход скорее ограничительный. Ведь при его применении исключается возможность квалификации убийства, как совершенного с особой жестокостью в иных случаях, при использовании других способов причинения смерти.

В.В. Сташис и М.И. Бажанов предлагают более интересную трактовку, отмечая, что особую жестокость при совершении убийства, можно и нужно устанавливать индивидуально, то есть, учитывая обстоятельства каждого отдельного дела и обстоятельств. Хотя авторы не отрицают значимости способа совершения убийства при квалификации, называя некоторые способы, которые, стоит всегда считать причиняющими особые муки жертве:

- сожжение жертвы заживо;
- электроток как орудие убийства;
- пытки и истязания при убийстве;
- длительное избивание жертвы при помощи рук и ног в области жизненно важных частей организма, в том числе в голову.

Однако, ни один из указанных авторов, не смог точно определить те критерии и признаки, опираясь на которые, можно было бы достоверно говорить об убийстве, совершенном с особой жестокостью [37, с. 47].

Л.Л. Кругликов придерживается мнения, что способом, причиняющим особые муки при убийстве, можно признать отравление жертвы болезненным длительно действующим ядом, сжигание потерпевшего заживо, отказ в удовлетворении важнейших физиологических нужд: утолении жажды, голода, отказ в тепле, оказании первой помощи истекающему кровью и так далее. То есть Кругликов

так же отмечает, что особая жестокость состоит в излишестве мук и страданий жертвы убийства. В контексте данной точки зрения прослеживается попытка найти отличительные признаки способа убийства особенно мучительного для жертвы. Но сложно согласиться, будто цель отнятия жизни должна быть обязательной, как признак, ведь преступник может совершать убийство и с косвенным умыслом. Поэтому, целесообразно признать мнение правомочным лишь частично [38, с. 29].

Убийство можно признавать особо жестоким, если выбранный преступником способ отнятия жизни, причинял жертве долговременные и интенсивные муки, не нужные при совершении убийства. Лишние мучения должны входить в умысел преступника, хотя обстоятельства, обусловившие поведение убийцы могут быть различны. Лишние мучения могут быть основным или побочным результатом совершаемого деяния. Лишними данные действия (бездействие) можно признать только если критерием оценки является смерть жертвы.

Особо жестокое убийство может выразиться в истязаниях жертвы, муках, нанесении ран, которые могут повлечь медленную гибель человека (вскрытие больших кровеносных сосудов, большое количество некротических повреждений, садистические действия). На особо жестокий способ указывают излишние физические или психические страдания жертвы: долговременный процесс причинения смерти; многочисленные телесные повреждения, особенно если повреждения причиняли сильную боль, орудия убийства, выбранное преступником, не могло причинить быструю смерть. Стоит помнить об умысле со стороны убийцы в причинении дополнительных мучений. Преступник должен понимать, что действует жестоко, знать или предвидеть, что его поступки не только лишат жертву жизни, но и причинят дополнительные, сильные муки. Убийца, не обязательно должен хотеть причинения этих страданий, достаточно, что он будет безразлично относиться к возможности их наступления [37, с. 69].

Умысел преступника особенно важно установить, когда дело касается убийств, при которых жертве наносилось большое количество ранений. Стоит рассмотреть эту проблему отдельно. Ведь многочисленность ран может говорить как о совершении убийства с особой жестокостью, так и опровергать этот факт, если обилие телесных повреждений вызвано иными мотивами и обстоятельствами (страх за свою жизнь, аффект).

Литературные источники содержат очень противоречивые суждения по поводу многочисленности ранений как признака убийства, совершенного с особой жестокостью. М.К. Анианц полагает, что данный признак, всегда говорит об убийстве с особой жестокостью, не зависимо от других обстоятельств: нанесение ран с долговременными промежутками или очень кратким временным интервалом; каждая ли рана была смертельной, либо нет; быстро ли погибла жертва либо через значительное время. Данный автор отрицает подход, где основополагающим для квалификации особой жестокости является наличие особо мучительного способа причинения смерти жертве. М.К. Анианц утверждает, что убийство с использованием особо мучительного способа и убийство, совершенное с особой жестокостью, имеют значительную разницу. Разница заключена в том,

что для обнаружения особой жестокости достаточно установить наличие многочисленности ран на теле жертвы, как проявления этой особой жестокости, которая, однако, могла и не повлечь за собой особые муки, при умерщвлении.

Н.Ф. Кузнецова считает по-другому. Она выделяет два основных признака, характеризующих убийство, как совершенное с особой жестокостью: процесс гибели потерпевшего должен быть объективно мучительным; убийца должен желать, или хотя бы допускать наступление особых мук своей жертвы [39, с. 21].

Проблема разрешима. Если преступник, когда наносил жертве многочисленные раны, предполагал принести потерпевшему своими действиями дополнительные (особые) мучения при совершении убийства, то неважно был ли способ отнятия жизни действительно особенно мучительным для жертвы либо жертва перестала страдать фактически сразу (потеряла сознание, умерла).

Но если, причинение особых мук, невозможно установить, как цель действий убийцы с достоверностью, то следует опираться на наличие либо отсутствие косвенного умысла у убийцы (допускал ли возможность причинения дополнительных страданий); и на факт – был ли избранный способ умерщвления действительно мучительным для жертвы. Когда умысла у виновного не было, и способ умерщвления не причинял особые страдания – квалифицировать убийство, как совершенное с особой жестокостью будет невозможно.

Судебная практика свидетельствует, о том, что судебные органы часто соглашались с квалификацией убийства, как совершенного с особой жестокостью, даже при явном отсутствии установленного умысла на дополнительные мучения жертвы при нанесении многочисленных ран. Отсутствие умысла на особую жестокость можно проследить если раны наносились в очень кратковременный промежуток. Это обуславливается множеством факторов:

- особенности орудия убийства (дробь, при выстреле с короткой дистанции всегда приводит к многочисленности ран);
- убийца может находиться в аффекте или просто в эмоциональном возбуждении, которые могут вызываться виктимными поступками жертвы;
- дракой убийцы и жертвы, особенно когда зачинщиком ссоры и следующей за конфликтом является сам убитый;
- летальные повреждения, нанесены в кратковременный промежуток;
- жертва активно сопротивлялась, поэтому убийца, противодействуя потерпевшему, старался достичь цели причинения смерти, а не особых мучений умирающего;
- убийца хотел ускорить гибель жертвы;
- жертва физически превосходит убийцу, поэтому последний наносит множество ударов, чтобы жертва не воспользовалась своим превосходством и так далее [39, с. 96].

Многочисленные раны лишь тогда могут указывать на совершение убийства с особой жестокостью, когда очевиден умысел убийцы на причинение жертве дополнительных мук и страданий при отнятии жизни.

С.И. Тишкевич высказывает рациональную мысль, что, решая проблему установления либо отсутствия в поступках преступника особой жестокости, выразившейся в многочисленности ран, нужно обращать внимание на такие обстоятельства как:

- каким образом расположены повреждения и раны на трупe жертвы (все ли раны нанесены в области важнейших для жизни органов либо нет);
- характеристика ран (сильный или слабый удар при нанесении, глубокий или поверхностный раневой канал);
- типовые особенности орудия, которым причинили смерть (длина ножа, установленная по клинку, характеристики заряда при использовании убийцей огнестрельного оружия);
- какой временной промежуток соответствует нанесения первого и последнего ударов;
- соотнесение физических показателей убийцы и жертвы;
- всех (иных) обстоятельств, присущих обстановке совершения преступления.

Указанный автор справедливо считает, что многие факторы могут указывать на сознательное избрание преступником особо мучительного для жертвы способа причинения смерти. Примером может служить выбор орудия, которое может быстро привести к гибели жертвы, и однако, нанесение этим орудием множества некритичных для жизни человека ран. Но нужно учитывать при этом физические показатели убийцы. Возможно, преступник не мог использовать поражающую способность орудия вследствие физической слабости или болезни. Стоит помнить так же, что большое количество ран может говорить и о неэффективности доступного для убийцы орудия, а значит и о невозможности умерщвления жертвы более гуманным или менее мучительным образом. Причиной может быть так же сопротивление со стороны жертвы или иных персон [40, с. 5].

Сложно, все же согласиться с мнением С.И. Тишкевич, так как особенно жестоким способ убийства будет только тогда, когда помимо основной цели – убийства – будет обязательно присутствовать и иная цель – причинение дополнительных мук и страданий, которые необязательны для причинения смерти умерщвляемому лицу. Данная позиция не находит достаточного подтверждения в законодательстве России.

Первый аспект, опровергающий вышеприведенное заявления заключается в том, что УК РФ говорит об особой жестокости не только в контексте убийства, но и устанавливает её как квалифицирующий признак других преступлений, таких как умышленное причинение вреда, здоровью потерпевшего. Если в отношении убийства, и в отношении причинения вреда здоровью законодателем предусмотрено наличие прямого либо косвенного умысла у преступника (и при многочисленности ран в том числе), то логично полагать, что и квалифицированное убийство, совершенное с особой жестокостью, может быть совершено с косвенным умыслом.

Вторым аспектом можно считать позицию правоприменителя, который полагает что допущения особой жестокости достаточно для квалификации и вовсе

не обязательно устанавливать специальную (дополнительную) цель на причинение излишних страданий.

Более того, судебная практика говорит о том, что убийство возможно признать совершенным с особой жестокостью, даже в присутствии только косвенного умысла и в отсутствии непосредственной цели на причинение дополнительных мук жертве, при нанесении многочисленных ран. Мотив, конечно, имеет значение. Многочисленность ран может быть вызвана решением «проучить» жертву, либо иными обстоятельствами, повлекшими умысел на истязания, возможно без прямого умысла на убийство. При нанесении множества ран, об умысле на совершение убийства с особой жестокостью можно говорить при установлении таких обстоятельств, как:

- сознательное предпочтение орудия убийства, способного причинить сильную физическую боль, а значит вызвать дополнительные мучения жертвы;
- долговременность нанесения побоев и ран жертве;
- болевой шок, как причина смерти жертвы;
- характерные для истязания повреждения на трупe (поверхностные поранения кожи, ожоги, рассечения и так далее), локализуются вдали от жизненно важных органов;
- преступник заметно превосходит свою жертву физически;
- характерные травмы при избиении жертвы (преступник бил ногами, тяжелыми предметами по жизненно важным органам и центрам жертвы, по голове, груди, животу и так далее);
- специфическая обстановка совершения преступления, которая позволяла преступнику издеваться над жертвой и иные подобные факты [41, с. 18].

Обстоятельства дела должны содержать свидетельство того, что умысел преступника был направлен на доставление жертве излишних физических мучений при нанесении ей многочисленных ран. Преступник должен знать, что, действуя, он лишает человека жизни, совершая особую жестокость, то есть отнимает человеческую жизнь, доставляя жертве долговременные, интенсивные, многочисленные физические муки, причиняя излишнюю боль. Убийца должен желать наступления последствий своего деяния или хотя бы быть безразличным к ним, допуская по умолчанию. При многочисленности ран, при лишении человека жизни, об особой жестокости можно упомянуть тогда, когда смерть не наступала долгое время, при этом жертве были нанесены повреждения вызвавшие или способные вызвать долговременные, интенсивные боли и муки жертвы. Как правило, об убийстве с особой жестокостью при множественности ранений свидетельствует относительная длительность процесса лишения жизни, нанесение. Особая жестокость устанавливается не только по многочисленности ударов, но и иных обстоятельств убийства [42, с. 31].

То есть убийство можно признать совершенным с применением особенно жестокого способа и без нанесения жертве убийства многочисленных ран или иных повреждений. Часто жертва убивается иначе, однако способ, при установлении некоторых обстоятельств, признается особенно жестоким. Если, к

примеру, преступник дает потерпевшему яд, который действует длительно и мучительно, поэтому умирая, жертва испытывает продолжительную и сильную боль. Бесспорно, что данный случай возможно квалифицировать как убийство, совершенное с особой жестокостью (по признаку способа причинения смерти), но для этого нужно установить, что преступник охватывал мучения потерпевшего хотя бы косвенным умыслом. Физические муки жертвы могут носить как многократный, так и однократный характер. Однократность не умаляет мучительности, особенно если доказана сила и продолжительность страданий потерпевшего.

Судам часто приходится оценивать различные действия (бездействие) преступников, на соответствие характеристик способу причинения смерти с особой жестокостью. Все факты стоит интерпретировать с точки зрения субъективного отношения к преступлению самого убийцы. Особо жестокими способами отнятия жизни обоснованно считаются: сжигание жертвы заживо (внутри строения, либо при поджигании самой жертвы); засыпание либо закапывание жертвы заживо в землю или иные сыпучие субстраты, приводящие к развитию медленной механической асфиксии; поражение электротоком; выливание на жертву кислоты, щелочи высоких концентраций или иных агрессивных химических реагентов; иные различные способы причинения механического удушения (помещение головы жертвы в целлофановый пакет, или многократное помещение головы жертвы в воду); мучительное отравление; длительное лишение еды, воды; ограничение в тепле и иные похожие деяния.

Сложно отрицать, что для общества действия преступника, совершающего убийство при помощи способа, который направлен на причинение жертве дополнительных мук, особенно опасны и их стоит квалифицировать в качестве убийства, совершенного с особой жестокостью. И совершенно неважно, при этом, испытала ли жертва действительно особенные муки или из-за независимых от преступника причин впала в бессознательное состояние [43, с. 20]. Между тем, анализ судебной практики показывает, что в ряде случаев множественность ран, равно как и другие атрибуты убийства с отягчающими обстоятельствами, позволяющие квалифицировать деяние по п. «д» части 2 статьи 105 УК РФ, не всегда свидетельствуют о реальности признака особой жестокости.

Например, рассмотрим один из судебных приговоров, вынесенных в отношении П. и Х., совместно совершивших убийство потерпевшего Ф. Согласно материалам дела, виновные и потерпевший находились в жилом помещении, распивая совместно спиртные напитки. В один из моментов времени у Ф. возник словесный конфликт с Х. Однако, как позже пояснил сам Х., данный конфликт имел, в большей степени, шуточный характер, поскольку Х. не придавал ему значения и не выказал негативной реакции, не проявил агрессии по отношению к Ф. Однако находящийся там же П. затаил злобу на слова Ф., и, выждав некоторое время, взял со стола кухонный нож и нанес этим ножом удар в область живота Ф., от которого последний упал на пол и потерял сознание. После данного действия Х. также взял в руки нож и воткнул его в глаз Ф., провернул нож в глазнице и вырезал глазное яблоко потерпевшего, затем ножом сделал надрез брюшной

полости Ф. После чего Х. и П. поочередно нанесли несколько ударов Ф. в область груди и живота, а П. перерезал горло потерпевшему.

Суд квалифицировал действия Х. как убийство с особой жестокостью, совершенное группой лиц; (п. «ж», «д»), действия П. - как убийство, совершенное группой лиц (п. «ж»).

В обоснование приговора Х. суд указал, что Х., желая причинить особые боль и страдания, проявляя цинизм и жестокость, приисканным на месте ножом вырезал потерпевшему правый глаз, после чего вскрыл живот. Оба этих действия причиняют особые страдания и совершаются прижизненно, что квалифицируется как особая жестокость в действиях виновного. Тогда как П. подобных действий не совершал, поэтому данный признак ему вменен быть не может.

Между тем, в приговоре суда приводилось заключение судебного медицинского эксперта, где было указано, что при экспертизе трупа Ф. обнаружено прижизненное одиночное проникающее колото-резанное ранение передней брюшной стенки с наличием фрагмента раны на коже передней брюшной стенки и сквозных повреждений листка брюшины с кровоизлиянием которое расцениваются как причинившие тяжкий вред здоровью, опасный для жизни.

Последствиями причинения данного повреждения могут являться: травматический шок, острая кровопотеря, кровопотеря (постепенная), все указанные последствия в случае неоказания помощи, приводят к смерти. Высказаться о наличии или отсутствия повреждений глазных яблок не представилось возможным при проведении экспертизы, ввиду поздних трупных изменений – мумификации.

По поводу других повреждений экспертом были высказаны лишь предположения о том, что они могли привести к смерти потерпевшего. В частности, разрез на горле потерпевшего был охарактеризован как повреждение, которое могло явиться причиной смерти. Всего на теле потерпевшего было обнаружено около 20 повреждений, но только одно из них категорически было определено экспертом как безусловно смертельное [39].

Анализ данного дела заставляет сомневаться в верности вмененного признака «с особой жестокостью». Исходя из обстоятельств совершенного убийства, после первого удара ножом в область живота потерпевший упал и потерял сознание, что неоднократно подтверждалось виновными. К тому же именно этот удар стал смертельным для потерпевшего. Все иные действия, которые совершались виновными, не причиняли потерпевшему дополнительных страданий или особых мучений, поскольку, согласно данным показаниям, потерпевший не оказывал какого-либо сопротивления и не проявлял реакции на причиняемые повреждения, в том числе – в момент вырезания глазного яблока. Это означает, что потерпевший в момент причинения телесных повреждений находился без сознания и не мог реагировать на жестокие и мучительные действия виновных, то есть данные действия, внешне являющиеся мучительными и особо жестокими, не оказывали того эффекта, который законодательно заложен в рассматриваемый квалифицирующий признак.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что при квалификации действий виновных, совершающих убийство с признаками особой жестокости по способу причинения смерти, необходимо выяснять, в каком состоянии находился потерпевший, в какой мере он чувствовал причиняемые страдания, находился ли в сознании в процессе реализации виновным мучительных действий. Как видится, данный вопрос является важным для формирования единой правоприменительной практики, исключения фактов объективного вменения.

Обстановкой совершения преступного деяния являются условия объективного характера, сложившиеся во время совершения преступного деяния. Условия совершения правонарушения непосредственно указывают на то, что убийство совершалось с особенной жестокостью. Например, при анализе условий можно найти указание на то, что жертве либо близким жертвы были причинены особенные мучения, физические или нравственные страдания. В обоих случаях прослеживается особая жестокость [44, с. 51]. Проблема квалификации убийства, как преступления, совершенного с особой жестокостью, на основе признака наличия в процессе причинения смерти интенсивных, длительных, психических мучений, вызывает противоречия. Большая часть ученых, не имеет четкого мнения по данному аспекту.

Изредка встречается категоричное отрицание того, что нравственные страдания сопоставимы с физическими, а значит убийство, сопряженное с причинением моральных мучений, не может считаться особо жестоким. С.М. Корабельников утверждает: «Если даже при совершении убийства преступник устно, письменно, или жестами унижает жертву, а позже производит убийство данного человека, то эти действия нельзя расценивать в качестве убийства, совершенного с особой жестокостью. Ведь особая жестокость из смысла законов выражается прежде всего в причинении физического насилия. И практика судов свидетельствует о признании убийств с особой жестокостью таковыми, если есть признаки физического насилия. Психическая жестокость имеет место только тогда, когда преступник убивает на глазах у родственников или иных близких людей. Но и при этом, насилие направлено не на саму жертву».

Есть все же и ученые, считающие, будто причинение особенных моральных мук, является достаточным основанием при квалификации убийства в качестве совершенного с особенной жестокостью преступления. Л.А. Андреева замечает, что социальная опасность рассматриваемого преступления повышается не только из-за интенсивных и долговременных мучений жертвы, но прежде всего из-за безжалостности, бессердечия, равнодушия либо садистических наклонностей преступника. То есть опасна прежде всего личностная составляющая убийцы. Поэтому не столь важно, физическими были мучения пострадавшего или моральными. По мнению данного автора, издевательство над убиваемым человеком перед умерщвлением может считаться признаком, указывающим на особую жестокость преступления. С ней солидарен С.И. Тишкевич который тоже полагает, причинение психических мук жертве проявлением признака особенной жестокости при совершении убийства. С.И. Тишкевич утверждает, что психические муки могут выразиться в глумлении над жертвой, примером может

служить описание подробностей процесса умерщвления перед беспомощной жертвой непосредственно перед тем, как преступник перейдет к осуществлению описываемых действий на практике; либо описание деяний касающихся близких людей жертвы, которые жертва не сможет предотвратить после убийства. Жестокостью будет и намеренное откладывание убивания, присутствие в поведении преступника провоцирующих страх моментов: ложных выпадов, прицеливаний, прикосновений орудием к телу жертвы [45, с. 22].

Если убийца причинял или стремился причинить жертве интенсивные, долговременные моральные муки, убийство нужно признавать совершенным с особенной жестокостью. Этот вывод основывается на утверждении, что особенная жестокость в убийстве не связывается лишь со способом причинения смерти. Она выступает, как интегративный характеризующий признак и способа совершения преступного деяния, и обстановки (условий), сложившейся в момент совершения, и других обстоятельств, указывающих на то, что преступником проявлялась бессердечность при умерщвлении жертвы. Наличие особенной жестокости в убийстве, подтверждают интенсивные, долговременные моральные мучения пострадавшего, если они сознательно причинялись жертве поступками преступника. Этот вывод подтверждает указание Пленума Верховного суда России, находящееся в постановлении «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ) от 27 января 1999 г. № 1 [4]. Это постановление признает наличие признака особенной жестокости преступника и в тех случаях, когда непосредственно перед, или в процессе умерщвления производилось глумление над пострадавшим. Глумление в понимании этого постановления является квалифицирующим признаком наряду с другими. Значение слова «глумление» сводится к злобному, оскорбительному издевательству, а значит со способом умерщвления этот термин отождествить затруднительно.

Значит, точка зрения законодателя: моральные страдания и муки жертвы являются обстоятельствами, позволяющими признать убийство совершенным с особенной жестокостью. Психические мучения жертве причиняются из-за различных внешних и внутренних факторов, которые могут предшествовать либо сопровождать убийство, главное, чтобы их причинение охватывалось умыслом преступника. Иногда обстановка совершения преступления, характеризуется фактом убивания одной жертвы на глазах другой.

С.В. Бородин полагает, что особая жестокость бесспорно проявляется если убийство более одной жертвы (нескольких жертв) совершается друг за другом. Примеры судебной практики это подтверждают [8, с. 16]. Челябинский областной суд осудил Венца за убийство жены и ее близкой подруги Климовой совершенные с особой жестокостью. Установили, что Венц ударил несколько раз топором Климову в область головы, после чего задушил. После этого преступник связал жену, которая стала свидетелем преступления, забил кляпом рот, изнасиловал и умертвил, нанеся многократные удары ножом. Суд акцентировал внимание на том, что беспрецедентная бессердечность преступника в отношении пострадавших является характерным признаком поведения убийцы, совершившего преступное деяние с особенной жестокостью [40].

Сходную точку зрения высказывают К.С. Андреев и И.И. Мухамедзянов. Эти авторы полагают, что к убийствам, совершенным с особенной жестокостью, можно отнести убийства на глазах следующего человека, если, конечно, преступник знал, что другая жертва понимала содержание преступных действий и цель процесса.

Л.А. Андреева, однако, возражает. Закон, считает она, отдельно выделяет квалифицированное убийство с признаком умерщвления двух либо более жертв, а значит неправомерно рассматривать квалифицирующий признак, лежащий в основе одного пункта статьи 105 УК РФ, помещать в основу другого. Но, Андреева согласна с тем, что допустима квалификация убийства по нескольким пунктам одновременно, но только если особая жестокость квалифицируется не из-за факта убийства двух либо более жертв [6, с. 53].

Противоречия не столь велики, как кажется. Просто наличия убийства двух жертв, одной за другой, конечно, мало чтобы признать, что правонарушение совершилось с особенной жестокостью. Совершенное полностью охватывает п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но не заметить особую жестокость, когда преступник специально убивал одного человек на глазах следующей жертвы, получая наслаждение от их мучений, невозможно. Справедливым будет признать, что умерщвление нескольких жертв, одной за другой, должно характеризоваться совершенным с особенной жестокостью, если умыслом преступника предусматривалось причинение потерпевшим моральных мук путем очередного их убийства. Жертва, понимающая, что она во власти преступника и видимо будет убита, как и предыдущий потерпевший, конечно, испытывает особенные моральные муки. Но, когда факты говорят о том, что преступник не имел умысла на причинение моральных мук пострадавшим, а, к примеру, убил в ходе драки одного соперника, а после другого – нельзя квалифицировать это преступление как особо жестокое. Несмотря на несколько жертв.

Особую жестокость предполагают и другие обстоятельства. В.Г. Татарников отмечает, что когда жертву перед её убийством вынуждают вырыть могилу для себя, либо иначе глумятся над ней, то, если и сам способ убийства не был жесток, деяние преступника должно быть расценено в качестве убийства, совершенного с особой жестокостью. Ведь жертва, несомненно, испытывала сильные психические мучения из-за близкой гибели [48, с. 15].

Признаком убийства, характеризующим преступление, совершенное с особенной жестокостью, является убийство на глазах близких жертвы. Постановление Пленума Верховного суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 говорится, что особой жестокостью является присутствие в момент убийства близких жертвы, если преступник знал, что содеянное причинит этим людям особенные муки. Термин «близкие» раскрыт в постановлении Пленума Верховного суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», хотя указанное значение раскрывается относительно другого квалифицирующего обстоятельства (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Можно, однако, соотнести это определение и с п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Постановление Пленума Верховного суда России причисляет

к жертвы, наравне и близких родственников, других лиц, состоящих с жертвой в родстве, свойстве – родственников супруга, супруги, либо людей, жизнью, здоровьем, благополучием которых дорожит жертва и этот факт известен преступнику. Хотя, несмотря на исчерпывающее определение термина, у судов до сих пор возникают затруднения относительно признания близкими, некоторых лиц [48, с. 39].

Лишь в некоторых научных работах затронут этот вопрос. А. Игнатов указывает, что умерщвление близкого родственника в присутствии другого не всегда является проявлением особенной жестокости. Рассуждения автора таковы: «Если, в процессе драки, с участием большого количества человек, из-за обоюдной ссоры, принимали участие два брата, и в результате один погиб, нельзя признать особую жестокость преступления, хотя налицо убийство одного близкого родственника на глазах второго. Значит, при обнаружении особенной жестокости по признаку интенсивных и долговременных нравственных мук близким жертвы следует учитывать все аспекты дела (и обстановку убийства, и способ» [34, с. 93].

Важнейший элемент состава преступления, совершающегося с особенной жестокостью – это субъективное отношение преступника – понимание им того, что он заставляет физически, либо психически страдать близких жертвы, которые видят совершающееся деяние. Ученый указывает на факт особенной жестокости в процессе убийства при наблюдении деяния близкими жертве по признаку наличия субъективного фактора – пониманием убийцей наличия особых мучений близких жертвы, в результате действий (бездействия) преступника. Автор предлагает опираться при квалификации и на другие обстоятельства преступления, например на обстановку, либо способ выполнения преступления [34, с. 95–99]. Эти рекомендации несколько абстрактны, замечает Л.А. Андреева, потому как о преступлении можно говорить как об особо жестоком, если оно совершалось при близких жертве лицах, но только тогда, когда близкие люди отчего-то не в состоянии помочь жертве и убийца это понимает и специально надругается над чувствами свидетелей [6, с. 116]. Значит, Л.А. Андреева отождествляет особые моральные муки близких людей жертвы с фактом понимания происходящего и невозможности оказать помощь, спасти. С.К. Питерцев говорит об «особенных муках близких жертвы» следующее: «Специфичность особенных мук близких жертвы характеризуется тем, что данные люди помимо тяжелых переживаний гибели жертвы, вынуждены пережить весь процесс её неотвратимого наступления» [39, с. 14]. Будучи свидетелями, близкие сначала испытывают страх от угрозы жизни близкому человеку, после этого поэтапные элементы процесса умерщвления, а затем сталкиваются с конечным фактом гибели жертвы. Страдания особенно тяжелы уже из-за того, что сначала свидетели бессильны спасти погибающего, или возможно, пытаются помочь, но безрезультатно. Всё это делает данные муки исключительно тяжелыми, а значит особыми. С.К. Питерцев считает, что особенность особых мучений близких жертвы заключена в переживании процесса умерщвления и самой смерти жертвы целиком, и это усугубляет бессилие оказать жертве помощь [39, с. 28].

Постановление Пленума Верховного суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» содержит только указание на тот факт, что, убивая на глазах близких жертве лиц, преступник должен понимать, что своим деянием причиняет свидетелям особые мучения. Но должен ли преступник желать наступления этих особенных мук? Либо для квалификации достаточно косвенного умысла? Судебная практика указывает на то, что часто суды исходят при квалификации опираясь только на факт наличия близкого лица в момент совершения на месте преступления.

Ряд ученых не имеет определенного мнения по этой проблеме. Т.В. Кондрашова говорит, что констатация особой жестокости возможна при установлении того, что близкие (в том числе дети) не только были на месте совершения убийства, но и были способны понять и испытывать мучения, наблюдая процесс умерщвления, и преступник это понимал. Далее автор указывает на то, что особенно жестокими являются лишь те редкостные убийства, в которых преступник ставил себе целью не только лишить жизни жертву, но и причинить исключительные по тяжести мучения близким жертвы, как бы извращенно это не звучало [30, с. 22].

Понимание причинения особенных мук близким жертвы вовсе не равно желанию причинять им особенные муки. Для квалификации убийства, как совершенного с особой жестокостью следует установить любое отношение преступника к причинению близким жертвы особенных нравственных мук – желал ли, был безразличен, либо хотя бы сознательно допускал. Достаточно, осознания убийцы, того, что, умерщвляя жертву, он заставляет её близких, присутствующих при этом, испытывать моральные мучения. С.И. Тишкевич отмечает, признавая убийство совершившимся с особенной жестокостью достаточно понимания преступником того, что своим деянием он причиняет сильные муки присутствующим близким жертвы. Длительность происшествия при этом значения не имеет [45, с. 68].

В литературных источниках часто встречается утверждение о квалификации убийства, как совершенного с особой жестокостью, если родителей убивают на глазах детей или детей на глазах родителей. Вероятно, подобное заявление несколько категорично. Стоит сделать несколько оговорок. Можно ли квалифицировать убийство по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, если отец убивает мать на глазах малолетнего сына? Наука «Уголовное право» высказывает диаметрально противоположные мнения. Субъективное отношение преступника к страданиям близким жертвы в процессе совершения убийства с особой жестокостью можно выразить в том, что:

- преступник осведомлен о присутствии близких жертвы на месте убийства в текущий момент;
- преступник понимает, что близкие понимают особенности совершаемого им деяния;
- преступник осознает, что его действия причиняют или могут причинить близким жертвы исключительные душевные мучения и страдания;

– преступник хочет наступления особенных страданий близких жертвы от факта совершения убийства жертвы в их присутствии, либо безразличен к возможности наступления таких страданий и мук, либо осознает и допускает эти мучения [37, с. 29].

При квалификации деяния преступника в качестве убийства, совершенного с особой жестокостью, опираются на конкретные обстоятельства дела. Если преступник планировал причинение близким жертве лицам особенные муки, то деяние должно быть признано убийством, совершенным с особой жестокостью, вне зависимости от успеха преступника в достижении данной цели. Возможно, преступник, полагал близким жертвы кого-либо таковым не являющегося. При этом, учитывая стремление преступника к причинению мнимому близкому жертвы муки при помощи гибели жертвы, стоит квалифицировать совершенное в качестве убийства с особой жестокостью. Когда преступник сознательно допускает мучения близких жертвы либо безразличен к ним, то, совершённое преступление, следует квалифицировать по факту присутствия либо отсутствия мучений у близких жертвы. Ведь особая жестокость преступного деяния является интегративной характеристикой, а, значит, о проявлении преступником особой жестокости в убийстве можно судить на основе каких угодно обстоятельств (объективных и субъективных) и их совокупности [12, с. 14].

Нередко действия преступника образуют совокупность признаков особой жестокости, например, при причинении смерти особо мучительным способом на глазах у близких родственников потерпевшего. По смыслу разъяснений Верховного Суда РФ, установление любого из этих признаков влечет квалификацию по п. «д» части 2 статьи 105 УК РФ.

Например, О., находясь в одной комнате с двумя малолетними детьми в возрасте 3 года и пять лет, приходящихся детьми его сожительницы, в один из дней распивал спиртные напитки. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, О. сделал замечание малолетней П., которая, по его мнению, громко играла и мешала О. После нескольких замечаний, на которые П. не реагировала, у О. возник умысел на убийство П. Реализуя задуманное, О., осознавая, что П. в силу своего малолетнего возраста не способна защитить себя и оказать активного сопротивления, то есть заведомо для него находится в беспомощном состоянии, схватил потерпевшую за шею, а также взял со стола в комнате кухонный нож, после чего, удерживая ребенка в таком положении, вынес ее в коридор, где умышленно с целью лишения жизни с особой жестокостью, используя в качестве оружия нож, и причиняя ей при этом особые страдания, а также причиняя особые страдания находящемуся в квартире и наблюдавшему за действиями О. малолетнему брату П., нанес указанным ножом П. не менее сорока семи ударов в область головы, шеи и туловища, а также не менее пятнадцати раз ударил потерпевшую головой, туловищем, верхними и нижними конечностями о выступающие части двери стоявшего в коридоре холодильника.

Своими действиями О. причинил П. телесные повреждения в виде семнадцати колото-резаных, резаных и колотых ран лица, шеи, грудной клетки и живота с повреждением глотки, правой подключичной вены, сердца, грудины, диафрагмы,

печени, желудка, селезенки, сердечной сорочки; закрытой механической травмы головы с переломами костей свода черепа, ушибом головного мозга в виде кровоизлияний под мягкую мозговую оболочку, в вещество и в желудочки головного мозга; множественных ссадин, царапин и ссадин-царапин в области лица, шеи, левого надплечья, грудной клетки, живота, спины; нескольких внутрикожных мелкоточечных и мелких линейных кровоизлияний в области шеи, левой надключичной области шеи, правого плеча; множественных кровоподтеков в области правого и левого локтевых суставов, левого надплечья, таза, правой и левой голени, которые осложнились острой кровопотерей, травматическим шоком, отеком легких и интраальвеолярными кровоизлияниями в легкие. Практически каждое из указанных действий причинило тяжкий вред здоровью П. В совокупности данные действия явились непосредственной причиной смерти П. на месте происшествия. Суд указал, что О. причинил смерть П. с особой жестокостью, поскольку, во-первых, об этом свидетельствует избранный осужденным способ совершения убийства. Подсудимым причинены потерпевшей многочисленные телесные повреждения, – им нанесено в общей сложности не менее 177 травматических воздействий по различным частям тела потерпевшей. Во-вторых, данные действия были совершены в присутствии брата П., который осознавал, что потерпевшей причиняется смерть, это причиняло последнему особые страдания [41].

Мы считаем, что конструкция статьи 105 УК РФ нуждается в определенной доработке и корректировке. Представляется, что статья 105 УК РФ должна быть дополнена частью 3, в которую необходимо перенести следующие квалифицирующие признаки:

- убийство двух и более лиц;
- убийство, совершенное с особой жестокостью в присутствии близких потерпевшему лиц.

Нижний уровень наказания за данные деяния должен составлять 15 лет лишения свободы, верхний уровень – пожизненное лишение свободы (учитывая, что смертная казнь сегодня не применяется). Тем самым один из признаков особой жестокости, во-первых, получит квалифицирующий характер на законодательном уровне. Во-вторых, будет существенно повышено наказание за деяния, представляющие собой повышенную общественную опасность по сравнению с «простым» убийством.

2.2 Особенности квалификации признаков убийства совершенного общеопасным способом

Признаками, свидетельствующими, что убийство было совершено общеопасным способом, могут являться прежде всего используемые при совершении преступления средства и обстановка убийства. Признать способ общеопасным, можно на основе используемых преступником средств совершения преступления, ведь при взрыве гранаты на многолюдной улице, помимо выбранной преступником жертвы, создается опасность для неопределенного

множества других людей. Исходя из вышесказанного, раскрывать квалифицированные признаки убийства, совершенного общеопасным способом, начать стоит со средств, которые преступник использовал, совершая преступление. Термин «средство» обозначает:

- приемы, способы проведения действий, направленных на достижение какой-либо цели;
- орудие (приспособление, совокупность механизмов, предметов) для исполнения какой-либо последовательности действий.

Данный термин обобщает все приспособления, орудия, оружие, механизмы, газы, яды, взрывные устройства и тому подобные предметы материального мира, используемые субъектом преступления для его совершения.

Л.Л. Кругликов так говорит о понятии средств, совершения убийства общеопасным способом: «Правильное понимание обще опасного способа основано на ясном представлении круга и (или) характера применяющихся средств» [32, с. 113]. Теоретические и практические исследования сходятся на отнесении в круг общеопасных средств: огня, взрывчатых, отравляющих, удушающих, радиоактивных, легковоспламеняющихся веществ, взрывных устройств и средств подобных перечисленным. Такие средства обладают высокой поражающей способностью и значительной разрушающей силой, имеют потенциал для воздействия на несколько объектов.

Преступник, активизирующий эти средства, высвобождает значительную энергию, заключенную в них, и часто теряет за средством контроль. Итогом является бесцельное причинение вреда людям, имуществу, которые не являются целью действий виновного». Общеопасный способ совершения убийства может иметь место не только при использовании средств, со значительными поражающими либо другими разрушительными характеристиками.

Иногда и при пользовании обычными предметами хозяйственно-бытового предназначения можно установить, общеопасный способ совершения преступления. Это значит, что убийство квалифицируется как совершенное общеопасным способом и тогда, когда используются средства, обладающие повышенной социальной опасностью, и, поэтому изъяты из гражданского оборота, и в других случаях, когда средства совершения преступления не отвечают этим характеристикам (бытовые предметы). Главный признак – присутствие опасности во время убийства, для других, помимо жертвы, лиц. Конечно, для установления этого поражающие характеристики средства совершения преступления весьма важны.

Целью отграничения видов средств друг от друга является их различная роль для правильной квалификации. Характеризуя ситуативно опасные средства, необходимо отметить следующее. Воспользовавшийся этими средствами преступник может находиться на месте происшествия с начала и до конца либо отсутствовать, утратив контроль за происходящим [35, с. 26].

Возможны такие варианты.

1. Преступник пользуется средством, которое нуждается в его присутствии для активации. Как пример, производит в жертву выстрел используя огнестрельное

оружие. Здесь преступник понимает и поражающие характеристики используемого средства, и нюансы окружающей обстановки. Значит, квалифицируя это деяние нужно опираться на субъективное отношение преступника. Выстрел, произведенный из ружья, которое заряжено дробью, может нести опасность гибели для множества людей, если преступник стрелял в скопление людей с некоторого расстояния, обеспечивающего разлет дробин. Но тот же выстрел из ружья, сделанный в упор, если другие люди находятся на безопасном расстоянии, нельзя признать несущим опасность для нескольких лиц.

2. Преступник пользуется средством, активирующееся без его участия, вероятно в его отсутствие. Как пример, установка взрывного устройства на входе в свой земельный надел. Тут преступник понимает степень поражения используемого средства, а значит осознано принимает любые негативные последствия от взрыва, или, хотя бы равнодушен к ним. Квалифицируя это деяние, стоит опираться на обстановку произошедшего. Когда взрыв случается при наличии рядом с жертвой других лиц – это, убийство, совершившееся общеопасным способом. Когда вблизи жертвы не находится, убийство соответствующим квалифицирующим признаком обладать не будет, так как на самом деле никто кроме жертвы в опасности не был.

Долговременно опасные средства имеют свою специфику. Их разрушительные свойства позволяют данным средствам долго представляют опасность для неопределенного круга людей, попадающих в зону поражения. При использовании преступником таких средств убийство всегда совершается общеопасным способом, без учета наличия либо отсутствия рядом с жертвой других людей во время убийства [11, с. 14].

Что касается средств, опасность которых ограничена, многие ученые не склонны признавать их угрозой для жизни нескольких потерпевших. В науке «Уголовное право» прослеживается живая полемика, на этот счет. Тишкевич С.И. отмечает, что часть закона, устанавливающая ответственность за совершение убийства способом, который может быть опасен для множества людей, квалифицирует помимо действий, объективно способных привести к смерти множества людей, ещё действия, способные угрожать жизни лишь одного из вероятных жертв. Когда правонарушитель, преследуя цель убийства определенной жертвы бросает клинок в скопление людей, велика вероятность гибели единственного человека. Неважно, в кого попал нож, в намеченную жертву или в кого-то другого. Опасность существовала для каждого. Значит способ, которым воспользовался преступник избранный опасен для множества человеческих жизней.

М.И. Бажанов и В.В. Сташис предлагают несколько вариантов такого обще опасного способа причинения смерти. Первый их пример так же рассматривает бросание ножом в толпу, если даже опасность была для одного человека, это мог быть любой из множества, составляющего толпу, значит убийство было общеопасным. Второй пример затрагивает использование при убийстве разнообразных приспособлений автоматического характера, создающих опасность гибели всех, кто способен войти с ними в контакт. Л.Л. Кругликов

говорит так: «Можно встретить утверждение, будто общепасный способ прослеживается и в примере, когда применение правонарушителем орудие воздействия объективно может убить лишь одного потерпевшего, но из-за специфики условий обстановки, жертвой может явиться абсолютно каждый из людей в зоне воздействия. Если, преступник кидает нож в жертву, рядом с которой стоит группа лиц или иной человек. Подобное понимание не верно, так как отождествляет два различных явления: совершение преступления используя общепасный способ, либо отклонение действия. Ведь только опасность одномоментной гибели не единственного, а множества объектов (жертв) из-за одного деяния, является определяющей для квалификации убийства, как совершенного общепасным способом» [19, с. 12].

Подобные примеры не демонстрируют применение обще опасного способа совершения преступления, ведь опасности для нескольких людей нет. Нож может поразить большое количество жертв, но только при нанесении ударов сообразно с этим. Бросок в группу людей всегда практически приводит к гибели лишь одной жертвы. Значит, этот способ причинения смерти не является опасным для множества, а может представлять опасность для того, в кого попал нож, хотя в опасности и любой из группы. Очевидно, что М.И. Бажанов и В.В. Сташис необоснованно уравнивают разрушительные качества ножа и взрывных приспособлений. Применяя нож можно убить одного потерпевшего, от взрыва может погибнуть несколько пострадавших. Поэтому, в подобных ситуациях, суд признает, что убийство либо покушение на убийство, совершенное взрывным устройством – опасно для множества людей. Но убийство, совершенное из арбалета, спрятанного на участке с целью охраны плодовых деревьев, нельзя признавать совершенным общепасным способом, хотя жертвой мог быть любой из проникших на участок людей. Ведь потенциальная опасность существовала только для одного человека.

Трудно правильно квалифицировать действия лица, произведшего единственный выстрел. Пуля, которую выпустил преступник в сторону группы людей, способна привести к наступлению смерти множества людей. Практика приводит пример, убийства одной пулей двух человек. Однако, такой случай скорее исключение, чем закономерность. Вероятно, степень опасности для жизни людей из толпы, при одиночном выстреле, стоит оценивать, учитывая все факторы: убойную силу оружия, расстояние до потенциальных жертв, расположения людей во время происшествия и так далее. Если орудие совершения преступления объективно представляет опасность для одной жертвы, пусть многие и подвергаются опасности, это средство не подходит для убийства общепасным способом. То есть ограничено опасные средства не позволяют дать квалификацию убийству по пункту «е» части 2 статьи 105 УК РФ.

Использование ситуативно опасных средств, влияет на квалификацию следующим образом: если в момент совершения преступления на месте совершения, было большое количество людей – потенциальных жертв, то убийство обще опасное.

Долговременно опасные средства при квалификации убийства совершенного

общеопасным способом, являются квалифицирующим признаком всегда. Данные средства опасны длительное (неопределенно длительное) время, поэтому присутствие иных людей в момент преступления на его месте не обязательно. Ущерб неопределенному кругу лиц, может быть нанесён и позже. Но, не зависимо от средств осуществления преступления, квалификация должна производиться, опираясь на субъективное понимание преступником своих действий [27, с. 89].

Обстановка совершения преступления должна указывать на фактическую опасность для множества людей избранного преступником средства совершения преступления. Когда при совершении преступлений общеопасные качества избранного средства не применяются, нужно исключить общеопасный способ действия (если правонарушитель, лишая жертву жизни бьет потерпевшего прикладом ружья по голове). Однако, и применение общеопасных качеств средства совершения убийства не всегда свидетельствует о наличии в действиях преступника обще опасного способа. При квалификации важны условия применения. Если использование обще опасного средства произошло в условиях, создающих возможность нанесения реального вреда более чем одному потерпевшему, то убийство обще опасное. Помимо обще опасного способа убийства для квалификации необходимо наличие либо отсутствие соответствующей обстановки совершения преступления. Анализируя судебно-следственную практику, можно заметить, что чаще всего способ убийства бывает признан общеопасным тогда, когда преступник пользовался огнестрельным оружием. Значит необходимость рассмотреть использование преступником во время совершения убийства этого вида оружия, как средства. При квалификации таких дел нередко ошибки. Чаще, ошибочность вызвана неверной оценкой обстоятельств, сопутствующих содеянному. Общеопасный способ может быть вменён лишь основываясь на факте применения огнестрельного типа оружия, без анализа обстановки совершения преступления. Выстрел в жертву с близкого расстояния или в упор, может не создать непосредственной опасности для других людей, не находящихся в зоне поражения выстрелом. Иначе дело обстоит, если другие люди попадают в зону поражения, пусть и при выстреле в жертву с близкого расстояния.

Литература предоставляет рекомендации, позволяющие оценить реальность опасности для иных людей, исключая потерпевшего, во время стрельбы из огнестрельного оружия. В.Г. Беляев и Н.М. Свидлов указывают, что степень опасности можно определить на основе наличия совокупности установленных обстоятельств. Нужно учесть:

- поражающие качества огнестрельного оружия: автомата, ружья, заряженного дробью, обреза и так далее;
- расстояние от преступника до жертвы;
- наличие иных людей и их расположение относительно жертвы;
- особенности, характеризующие стрельбу (выстрел) – прицельная, неприцельная, либо совершение иных операций, способствующих совершению убийства;

– иные обстоятельства, способные дать характеристику обстановке совершения преступного деяния [17, с. 19].

Выстрел, произведенный посредством пистолетов, автоматов, карабинов и иного похожего огнестрельного оружия всегда опасен для находящихся рядом с потерпевшим людей, если они находятся в области направления выстрела, сразу за жертвой либо перед ней. Расстояние при этом роли не играет. Если же другие люди находятся рядом с жертвой сбоку, опасна для них лишь стрельба с дальнего расстояния. Выстрел с близкой дистанции, или совершенный в упор, опасности для других не несёт, вследствие их нахождения за поражающей зоной. Выстрелы, производимые очередями, опасны для других людей в зоне обстрела вне зависимости от места их нахождения в отношении жертвы. Когда стреляют дробью, принципиально расстояние от преступника до пострадавшего, и угол рассеивания, зависящий от величины дроби. С небольшого расстояния дробь разлетается слабо. Стрельба с пяти–семи метров до пораженной цели имеет радиус разлета дроби пятнадцать–двадцать сантиметров не более. Чем больше расстояние, тем значительней радиус разлета. Величина разлёта дроби обратно пропорциональна размеру заряженной дроби – чем дробь меньше, тем более внушителен разлет, и прямо пропорциональна силе заряда, запыжеванного в патрон. Значит, при квалификации каждого преступления, следует учесть множество факторов, влияющих на объективность оценки преступного деяния и установление наличия в составе признаков убийства, совершенного общеопасным способом [28, с. 11].

Стоит сделать заключение о невозможности квалификации преступления как убийства совершенного общеопасным способом, даже при установлении использования преступником средств совершения преступления, опасных для многих лиц, если реальной опасности для других людей в момент совершения преступного деяния не было. Опасность устанавливается на основе поражающих свойств выбранного преступником средства, наличия на месте преступления других, кроме жертвы, людей, взаиморасположения жертвы и других присутствовавших, величины зоны поражения, и других факторов. Иначе дело обстоит со средствами, которые могут нести опасность гибели для неопределенного числа людей долговременно со времени их активации. Применение убийцей долговременно опасных средств, всегда является общеопасным способом причинения смерти, без учета наличия на месте преступления в момент его совершения других людей. Ведь, например, отравленный колодец, и после убийства основной жертвы, может быть опасен, для других людей длительное время. Но обстановку совершения преступления (условия) во всей совокупности факторов, нужно учитывать и когда используются долговременно опасные средства. Ведь, если преступник отравляет кастрюлю с чаем в столовой туристической базы, то преступление совершается общеопасным способом. Отравленный чай, доступен любому из пребывающих на базе лиц. Если же преступник отравил чай в конкретном стакане, то общеопасный способ не использовался, за исключением случая, когда субъект преступления полагал, что иные люди могут выпить ядовитую жидкость (субъективный фактор).

Квалифицируя преступление обязательно учитывать субъективное восприятие преступником обстоятельств совершения деяния, ведь основа квалификации – принцип субъективного вменения, а он предполагает точное установление формы вины. Об уголовной ответственности не может быть и речи, когда установлено отсутствие вины – преступник не имеет умысла или неосторожности при совершении преступления. Убийство обязательно предполагает умысел преступника. Преступник должен знать, что деяние, им совершаемое, опасно. В осознание социальной опасности преступления входит понимание опасности способа причинения смерти. Значит виновный в совершении убийства при помощи обще опасного способа должен понимать, опасность существует не только для жертвы. Иначе нет оснований дать квалификацию преступления по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК России. Хотя далеко не всегда установление обще опасного способа говорит, что преступник осознавал опасность деяния для других людей. Иногда, преступник не способен понять объективную опасность средства, используемого им для совершения преступного деяния. В случае подтверждения материалами дела, невозможно квалифицировать преступление, как убийство, совершенное общеопасным способом, даже если все остальные признаки налицо.

Статья 105 Уголовного Кодекса России предполагает наступление ответственности только при умышленном причинении смерти человеку. Значит, это преступление должно совершаться с умыслом. Причем уголовное право подчеркивает, что умысел на убийство может быть как прямой, так и косвенный. Но это утверждение справедливо только для простого убийства (первая часть статьи 105). Квалифицированные составы (вторая часть статьи 105) имеют специфические вариации. Так, убийство, совершенное для того, чтобы скрыть иное преступление, может квалифицироваться лишь при установлении прямого умысла. Субъективная сторона убийства, совершенного общеопасным способом, имеет собственную специфику, и это стоит учитывать для правильной квалификации [46, с. 29].

Постановление Пленума Верховного суда России «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 [4], говорит, что субъективное отношение преступника, совершающего убийство общеопасным способом, сводится к осознанию обще опасности способа убийства (а это не слишком конкретно). Значит, нужно проанализировать судебно-следственную практику и научные изыскания. Уголовно-правовая литература, рассматривающая субъективную сторону убийства, совершившегося общеопасным способом, несет весьма противоречивые суждения. А.А. Жижиленко определял субъективное восприятие преступника, совершившего рассматриваемое деяние так: «Вопрос квалификации способа совершения убийства, как обще опасного – это факт, устанавливаемый судом индивидуально, для каждого дела. Нужно, чтобы преступник понимал, что избранный для убийства способ несет в конкретной обстановке совершения преступления опасность для хотя бы ещё одного человека, помимо жертвы, – неважно, был ли у преступника прямой умысел убийство других людей (желал убить), или преступник был безразличен (допускал убийство, не противился). Общеопасный способ убийства признается,

когда преступник, совершая обще опасное деяние поступает так, что его действия свидетельствуют о допущении им вероятности убийства. Примером можно считать крушение поезда преступником, для осуществления грабежа, при этом правонарушитель не мог не допускать гибели пассажиров» [10, с. 83]. То есть, А.А. Жижиленко допускал наличие прямого либо косвенного умысла у преступника на причинение смерти большому количеству человек. Но сегодня, достаточно установление умысла (прямого либо косвенного) когда есть опасность даже для двух людей.

М.Д. Шаргородский говорит, что умысел следует разделить: прямой умысел на убийство основной (определенной) жертвы; косвенный на убийство неопределенного круга людей, поставленных в опасность способом совершения преступления [54, с. 57]. М.Д. Шаргородский прямо критикует А.А. Жижиленко, отмечая, что убийство, совершенное общеопасным способом, не имеет прямого умысла на убийство множества людей. Прямой умысел на убийство множества даст основания для квалификации данного правонарушения как диверсии. У мнения М.Д. Шаргородского есть слабое место, он беспочвенно ограничивает убийство общеопасным способом, единственным вариантом понимания преступника последствий своего деяния, и отрицает совершение убийства при наличии косвенного умысла. Этот же автор не определяет число возможных жертв, входящих в круг неопределенных лиц, оказавшихся в опасности, а это принципиально для правильной квалификации.

Н.И. Загородников полагает убийство совершенное общеопасным способом, можно квалифицировать только когда: – преступник, намереваясь убить определенную жертву, совершает операции, опасные для неопределенного круга индивидов; когда преступник, при отсутствии цели на убийство конкретной жертвы, совершает деяние, подвергающее опасности множество людей, причиняющее смерть одному из них либо нескольким. Н.И. Загородников критикует мнение М.Д. Шаргородского, полагая его не точным, ведь убийство общеопасным способом, возможно совершить имея и косвенный умысел. Недостаток этого подхода – допущение того, что жертвами преступного деяния может являться неопределенный круг людей. Поэтому этот подход не совсем отвечает практическим потребностям.

В.Г. Беляев и Н.М. Свидлов, раскрывают умысел преступника следующим образом: «Преступник, совершая преступное деяние, понимает, что выбранный им способ осуществления убийства опасен для других людей, и предвидит вероятность гибели не только выбранной жертвы, но и этих людей. Волевой аспект умысла такого убийства весьма специфичен. Касательно основной жертвы, возможен и прямой, и косвенный умысел. Относительно случайных жертв (возможных), умысел может быть только косвенным. Иначе теряется квалифицирующая нагрузка признака, а деяние переквалифицируется в качестве убийства двух или более лиц» [19, с. 82].

Л.А. Андреева описывает субъективный момент вины иначе. Автор замечает: «Правильная квалификация возможно только при выяснении умысла убийцы и относительно смерти определенной жертвы, и относительно возможной гибели

других людей. Возможно, преступник, имея прямой умысел на убийство основной жертвы, осознаёт опасность гибели других людей, то есть, относится к случайным последствиям выполняемых операций, имея косвенный умысел. Убийство, совершенное с применением обще опасного способа, совершается и при косвенном умысле относительно гибели любого человека. Так, неприцельная стрельба там, где присутствует множество людей, погибает единственный человек. Нельзя утверждать, что преступник совершает действия с двумя формами умысла, умысел один, и он является проявлением отношения преступника к социально опасным последствиям» [6, с. 92]. Полагаем субъективная сторона такого убийства, способна содержать и прямой, и в косвенный умысел. Преступник совершает действия или имея прямой умысел на убийство конкретной жертвы, и ставит в опасное положение множество людей; или имея косвенный умысел, допуская вероятность гибели множества людей, без цели на убийство конкретного человека. Такая характеристика в отношении субъективной стороны рассматриваемого преступления, исключает установление минимального числа жертв, которые могут пострадать от действий преступника. К тому же, она не полна. Сложно понять, считают ли эти ученые отношение преступника к возможности гибели других людей характеристикой умысла, либо подобное отношение выносится за рамки умысла преступника.

С.В. Бородин предполагает, что преступник часто, совершая рассматриваемое убийство, ставит целью гибель конкретного человека, но безразличен к опасности гибели других жертв. Автор замечает, что преступник в отношении конкретной жертвы имеет прямой умысел, а по отношению к другим людям – косвенный. Но, С.В. Бородин, говорит и о таких случаях убийства, когда преступник производит действия, имея только косвенный умысел, и не имея цели убить кого-либо. Бородин приходит к выводу, что, совершая убийство общепасным способом, преступник может соотносить умысел в отношении наступивших последствий – смерти жертвы, и умысел в отношении смерти иных людей, поставленных в опасное положение, так:

- совпадение (прямой – прямой, косвенный – косвенный);
- различие (прямой – косвенный, косвенный – прямой) [20, с. 73].

Подход спорен.

Исследуемое убийство, совершается и с прямым, и с косвенным умыслом в отношении гибели определенной жертвы. Интересно допущение, в том, что относительно других лиц, подвергнутых опасности, преступник, по её мнению, может иметь неосторожную (и небрежность, и легкомыслие) форму вины, наряду с косвенным умыслом. Чаще неосторожная вина устанавливается в форме легкомыслия, если преступник надеется на конкретные обстоятельства, должны, препятствовать гибели других людей. Примером из судебной практики, характеризующим совершение убийства одновременно с прямым и косвенным умыслом (в отношении лиц, смерть которых прямо не охватывалась умыслом виновного, но, несомненно, допускалась), может служить следующее дело.

Щ., являясь знакомым П., которая проживала в жилом доме вместе со своими малолетними детьми, в один из дней договорился о встрече с П. Согласно

договоренности, Щ. должен был позвонить в дверь П., а последняя должна была открыть дверь и впустить его. В назначенный день Щ. пришел к дому П., позвонил в дверь, но дома никого не было. П. несколько раз звонил в дверь, а потом по мобильному телефону на номер П., но последняя ему не отвечала и дверь не открыла. В этой связи у Щ. возникла неприязнь к П., обусловленная тем, что П. не исполнила договоренность и не встретилась с Щ. Неприязнь трансформировалась в умысел на убийство П. общеопасным способом - путем поджога жилого дома, в котором проживала П. со своими детьми. Реализуя возникший умысел, в один из дней, в ночное время, Щ. подошел к дому, где проживала П. со своими детьми, осознавая, что в результате его умышленных действий – поджога веранды, где располагался единственный эвакуационный путь через входную дверь вышеуказанной квартиры, наступят общественно-опасные последствия в виде смерти П. и ее малолетних детей, а также уничтожения и повреждения чужого имущества, Щ. взял имеющуюся у него при себе бумагу, которую поместил в щели и проем веранды квартиры и поджег её, имеющимися при себе открытыми источниками огня – спичками и зажигалкой.

Затем Щ., не предпринимая мер к извещению о начинающемся пожаре находившихся в квартире дома и соседних домах лиц, в том числе потерпевших, с места преступления скрылся. В результате умышленных преступных действий Щ., от острого отравления окисью углерода (угарным газом) наступила смерть П. и ее малолетних детей. В судебном заседании Щ. пояснял, что у него не было умысла на убийство малолетних детей П., не отрицая, что желал смерти самой П. Однако суд справедливо указал, что Щ. достоверно знал, что П. проживает с двумя малолетними детьми, никогда не оставляет их одних, без присмотра, и не передает другим лицам. В этой связи Щ. имел косвенный умысел на причинение смерти детям П., не желая этого, но сознательно допуская и относясь безразлично к последствиям в виде смерти детей.

По данному делу также возник вопрос о квалификации действий Щ. как убийства двух и более лиц с особой жестокостью. Так, в обвинительном заключении было указано, что характер действий Щ. и избранный им способ убийства, находившихся в доме лиц свидетельствует об его умысле на совершение убийства с особой жестокостью, поскольку в случае гибели в процессе пожара – сгорания заживо – потерпевшие неизбежно испытали бы от воздействия открытого пламени, высокотемпературных продуктов горения и угарного газа особые страдания и мучения, что явилось очевидным для Щ.

Однако суд справедливо указал, что смерть потерпевших наступила от отравления угарным газом, а не от сгорания заживо, поэтому данный квалифицирующий признак вменению не подлежит [42].

Вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о наличии определенных проблем квалификации убийства, совершенного общеопасным способом; схожести признаков лишения жизни общеопасным способом и убийства с особой жестокостью. Нетрудно представить себе ситуацию, при которой убийство совершается общеопасным способом (например, путем подрыва взрывчатого устройства), что, одновременно, влечет наступление смерти, сопровождающееся

длительными мучениями и страданиями потерпевших. Данные лица могут лишиться органов, испытывать мучительные боли и страдания перед смертью, что, безусловно, имеет признаки убийства с особой жестокостью. Таким образом, возникает конкуренция норм пунктов «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ, что может вызвать затруднения в вынесении справедливого и обоснованного приговора, создает почву для возможных обжалований приговоров, вынесенных по пунктам «д» или «е».

В этой связи предлагается данные признаки объединить в пункте «д», который может быть сформулирован следующим образом: «д) совершенное с особой жестокостью, а равно общеопасным способом».

Подобные конструкции имеются в пунктах «б», «в», «ж», «к», «л» части 2 статьи 105 УК РФ, где имеются несколько различных по своему содержанию квалифицирующих признаков, объединенных в единую норму (пункт), что облегчает квалификацию деяния, устраняет конкуренцию и смешение квалифицирующих признаков.

Итак, уголовно-правовая литература выделяет такие подходы при определении субъективного компонента отношения преступника, совершившего убийство общеопасным способом:

- прямой и косвенный умысел относительно убийства множества людей (А.А. Жижиленко);
- прямой умысел относительно убийства конкретной жертвы, косвенный относительно убийства многих случайных жертв (М.Д. Шаргородский);
- прямой умысел относительно убийства конкретной личности и допускание гибели множества жертв; косвенный умысел относительно убийства множества жертв (Н.И. Загородников и другие авторы);
- прямой умысел относительно убийства определенной жертвы, косвенный умысел к гибели других жертв; косвенный умысел относительно убийства нескольких жертв (Л.А. Андреева и другие авторы);
- прямой умысел в отношении убийства определенной жертвы, прямой умысел в отношении убийства других жертв; косвенный умысел в отношении определенной жертвы, косвенный умысел в отношении гибели других жертв; прямой умысел в отношении определенной жертвы, косвенный умысел в отношении гибели других жертв; косвенный умысел в отношении определенной жертвы, прямой умысел в отношении гибели других жертв (С.В. Бородин);
- прямой, косвенный умыслы в отношении основной жертвы, косвенный умысел, неосторожная вина преступника в отношении к другим людям, оказавшимся в опасности (Т.В. Кондрашова и другие авторы).

Характеризуя субъективное отношение преступника, убивающего общеопасным способом, нужно опираться на следующие факты:

- понимание преступником последствий совершенного деяния может быть лишь в виде умысла, неосторожности не бывает, ведь убийство - умышленное преступление;
- преступник не имеет «двойного» умысла (один к основной жертве, другой к

другим людям), ведь преступление одно, значит, форма вины раскрыта в одном умысле;

– у преступника отсутствует прямой умысел относительно убийства всех жертв, находившихся в опасности, ведь иначе это другое преступление – убийство двух либо более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Значит, этот тип субъективного восприятия преступником последствий преступления исключается из умысла убийцы, совершившего преступление общеопасным способом;

– признавая способ действий преступника общеопасным довольно выяснить, что деяние подвергало опасности хотя бы два человека, включая выбранную жертву.

Учитывая вышеприведенные факты, можно сказать, что субъективное понимание преступником при описываемом убийстве, выражается лишь в прямом, и косвенном умысле. Убивая общеопасным способом, и имея прямой умысел:

– преступник сознает обще опасную направленность собственных действий и для основной жертвы, и, для хотя бы, еще одного человека;

– преступник предвидит убийство, своим деянием как основной жертвы, так и других лиц;

– преступник хочет убить основную жертву, и безразличен, то есть допускает убийство других людей, из-за своих действий.

Убивая общеопасным способом при наличии косвенного умысла:

– преступник понимает обще опасную направленность своего деяния для двух, более чем двух людей;

– предвидит любые общественно опасные последствия для этих людей;

– не хочет, но допускает возникновение опасных последствий, возможно, относится с безразличием к факту гибели кого-либо, из оказавшихся в опасности людей [12, с. 18].

Поскольку убийство, совершенное при помощи обще опасного способа – умышленное преступление, неосторожность при квалификации исключена. Однако, судебная практика знает немало ошибок определения вины преступника, и «завышение» квалификации преступления.

Значит, устанавливая умысел преступника в убийстве, совершенном общеопасным способом, обратить внимание на специфические черты преступного деяния. Прямой, и косвенный умысел, при которых, во всех случаях, преступник допускает либо относится с безразличием к возникновению опасности для жизни других людей, помимо основной жертвы. Квалифицируя рассматриваемое преступление при наличии прямого умысла, нужно помнить, что ответственность возможно наступит и тогда, когда последствия не наступили. Такое деяние квалифицируется в качестве покушения на убийство общеопасным способом.

Косвенный умысел говорит о том, что преступник не хочет убивать, хотя и допускает, в качестве результата деяния гибель людей, либо безразличен к этому. Если негативные последствия (гибель людей) не наступают, то не наступает ответственность за убийство общеопасным способом.

Применить пункт «е» части 2 статьи 105 УК РФ в «чистом» виде тогда, когда

гибнет только выбранная жертва (прямой умысел) гибнет единственный человек из подвергшихся опасности (косвенный умысел), а иных последствий не возникает. Остальные случаи могут квалифицироваться иначе.

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что правоприменители испытывают затруднения в уголовно-правовой интерпретации последствий убийства, совершенного общеопасным способом. Это вызвано сложностью состава данного преступления, большой вариативностью последствий, и несовершенством теоретической базы этого аспекта науки уголовного права. Главные сложности возникают, когда преступник убивает несколько людей из подвергавшихся опасности [7, с. 12].

Актуальной проблемой текущего дня следует признать возможные ошибки в квалификации убийства, совершенного общеопасным способом, с фактическим освобождением лица от уголовной ответственности. Причем подобные ошибки допускаются не только органами предварительного расследования, но и судами.

Например, согласно материалам одного из дел, Б. был признан виновным в причинении смерти по неосторожности двум лицам. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Б., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в помещении жилого дома, где происходило совместное распитие спиртных напитков, в ходе конфликта с одним из потерпевших ударил последнего по голове, отчего потерпевший упал на пол. Далее Б., реализуя внезапно возникший умысел, поджег при помощи зажигалки куртку, которая висела в прихожей, и ушел из дома.

В результате умышленных действий Б. в доме произошел пожар, причиной которого явилось воспламенение горючего материала, расположенного в очаговой зоне пожара, от источника открытого огня. Лица, находящиеся в доме, в силу наличия состояния опьянения не смогли выбраться из дома на улицу, что повлекло наступление их смерти в очаге пожара. Представляется, что действия Б. должны быть квалифицированы как убийство двух и более лиц, совершенное общеопасным способом (п.п. «а», «е» части 2 статьи 105 УК РФ). Однако суд усмотрел в действиях Б. признаки причинения смерти по неосторожности, повлекшее смерть двух и более лиц (часть 3 статьи 109 УК РФ). В обоснование квалификации суд указал, что, поджигая куртку в комнате, где находятся потерпевшие, Б. самонадеянно полагал, что последние предпримут меры к тушению куртки, а в случае возникновения пожара смогут беспрепятственно покинуть помещение. Суд посчитал, что Б. не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий в виде смерти потерпевших, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть [43].

Между тем, с таким решением суда согласиться не представляется возможным. Как следует из материалов уголовного дела, жилой дом, в котором находились Б. и потерпевшие, был изготовлен из дерева, о чем Б. был осведомлен. Б. своими действиями создал условия для пожара, который полностью уничтожил дом. Поджигая куртку (а фактически – дом), Б. не удостоверился в том, что потерпевшие смогут потушить куртку и выбраться из дома, не убедился в

ненаступлении тяжких последствий от своих действий. Причиняя смерть по неосторожности, лицо фактически не осознает неправомерность своих действий. Это выясняется только на этапе предварительного расследования. Тогда как Б. умышленно создал условия для наступления смерти потерпевших, совершив поджог.

Представляется, что Б. действовал с косвенным умыслом на убийство двух и более лиц. Подтверждением этому служат и имеющиеся в материалах дела показания Б. о том, что мотивом его действий явились неприязненные отношения к потерпевшим, возникшие в связи с тем, что последние высказывали в его адрес оскорбления, причиняли побои.

В этой связи квалификация действий Б. видится не просто ошибочной, но и явно не соответствующей обстоятельствам дела. Подобный приговор имеет признаки заведомо неправосудного решения, вынесенного судом; свидетельствует о низкой квалификации судьи; не служит достижению целей уголовного наказания.

Для устранения подобных случаев необходимы дополнительные разъяснения Верховного Суда РФ в Постановлении № 1-1999 г., где, в частности, могут быть приведены следующие положения. «При квалификации деяния лица, совершающего умышленные действия, направленные на уничтожение имущества общеопасным способом (например, путем взрыва, поджога или иных подобных действий), последствиями которых становится смерть человека или нескольких лиц, обращать внимание на факт осознания виновным наличия людей в помещении, здании или ином объекте, на который осуществляется посягательство.

Лицо признается виновным в убийстве, совершенным общеопасным способом, если оно совершило умышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение имущества, и, если при этом лицо было осведомлено о наличии одного или нескольких лиц на объекте, в отношении которого осуществляется противоправное посягательство».

Такое разъяснение позволит исключить факты неверной квалификации убийства, разграничить убийство и причинение смерти по неосторожности, исключить факты необоснованного освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве.

Выводы по разделу 2

Предлагаются десять характеристик особенной жестокости в насильственных преступлениях. Авторы, рассмотренные и перечисленные в главе 2, подразделяют признаки особенной жестокости по различным элементам в составе преступления. Объективная сторона убийства, совершенного с особой жестокостью, имеет такие признаки:

– способ причинения смерти жертве (применение до убийства или в момент совершения убийства пыток, истязаний, мучений; использование термических, химических, криогенных средств, мучительного яда, кислот, эссенций и иных

подобных воздействий; многократное прижизненное поранение жертвы, иные болезненные ощущения; прямой отказ в пощаде потерпевшему, находившемуся в тяжелом состоянии; совершение убийства нескольких индивидов подряд);

– специфическая обстановка – созданная преступником или использованная им (если преступление совершалось на глазах у близких для пострадавшего людей, понимающих что делает преступник; если жертва, находилась в заведомо беспомощном состоянии из-за малолетства или старости, тяжелой болезни, при алкогольном и (или) наркотическом опьянении);

– модель реагирования преступника сразу после завершения преступления (попытка помешать оказать помощь или оставление без оказания помощи пострадавшего, который испытывает тяжелые муки; издевательства над мертвым телом потерпевшего, если только тело не уничтожается либо расчленяется для того, чтобы скрыть совершение преступления).

Как субъективные признаки совершения убийства с применением особой жестокости можно расценивать:

– чрезвычайно бессердечное, лишенное жалости и пощады отношение к жертве и (или) её близким людям;

– наличие мотива особой жестокости, как самоцель убийства;

– понимание преступником того факта, что он своими действиями причиняет существенные физические либо психические муки;

– осознанная преступником возможность того, что его действия причиняют существенные физические либо психические муки;

– наличие прямого умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость;

– наличие косвенного умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость.

Субъект, совершивший убийство с применением особой жестокости, может иметь также, особые психофизиологические, психологические черты, обычно в сексуальных аспектах, которые могут проявляться в применении к жертве весьма значительных физических мук либо психических страданий, и которые можно определить как садизм.

Признаками, свидетельствующими, что убийство было совершено общеопасным способом, могут являться прежде всего используемые при совершении преступления средства и обстановка убийства. Признать способ общеопасным, можно на основе используемых преступником средств совершения преступления, ведь при взрыве гранаты на многолюдной улице, помимо выбранной преступником жертвы, создается опасность для неопределенного множества других людей. Это связано с поражающими свойствами гранаты, которая способна нанести ущерб жизни и здоровью в радиусе десятков либо сотен метров (зависит от вида гранат). Исходя из вышесказанного, раскрывать квалифицированные признаки убийства, совершенного общеопасным способом, начать стоит со средств, которые преступник использовал, совершая преступление.

Обстановка совершения преступления должна указывать на фактическую опасность для множества людей избранного преступником средства совершения преступления. Преступник должен понимать, что способ убийства в сложившейся на месте обстановке представляет опасность для множества людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно отметить, что цель дипломного исследования была достигнута. В результате были изучены преступления, квалифицирующиеся как убийства; и особенно составы, имеющие следующие квалифицирующие признаки: особая жестокость и общеопасный способ совершения.

Была раскрыта суть понятия преступления «убийство», и освещено становление этого термина в национальном праве России.

В рамках Уголовного Кодекса РФ: «убийство – это умышленное причинение смерти другому человеку» (часть 1 статьи 105 УК РФ). То есть в российском законодательстве при совершении убийства возможно наличие только умышленной формы вины. Государство, посредством права, охраняет жизнь любого индивидуума от начала рождения до момента биологической смерти. При этом не имеют значения возраст, пол, религиозные, политические предпочтения личности, а также её социальная полезность и иные качества. Для правовой охраны жизни достаточно принадлежности к человеческому виду. Рождением можно считать тот момент, когда из организма рожающей женщины появляется хотя бы часть тела младенца, на которой заметно сердцебиение. Смерть законодатель рассматривает как наступление необратимых изменений в клетках коры больших полушарий головного мозга человека.

Были рассмотрены признаки, характеризующие состав преступления, и признаки позволяющие отграничить убийство от иных сходных составов.

Субъективная сторона, прежде всего, характеризуется умышленной формой вины, причем умысел прямой. Объективная сторона характеризует убийство, как деяние, которое может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия (бездействие возможно, только, если у субъекта есть обязанность отвечать за жизнь потерпевшего). Субъектом может выступать вменяемое физическое лицо (человек), достигшее 14 лет. Низкий возрастной предел наступления уголовной ответственности объясняется тяжестью противоправного деяния. Объектом преступления выступают общественные отношения, направленные на охрану жизни и здоровья человека. Такой состав преступления как убийство, имеет богатую историю своего становления в национальном праве России, начиная от договоров Великих Князей Олега и Игоря, и заканчивая Уголовным законодательством Российской Федерации. Квалифицированные составы так же выделялись сравнительно рано, но квалифицирующие признаки существенно отличались от современных. В современном законодательстве, помимо прочих, к квалифицированным убийствам относятся убийства с особой жестокостью и убийство, совершенное общеопасным способом.

Была дана характеристика убийствам, совершенным с особой жестокостью.

Особая жестокость – это умышленное деяние, состоящее в причинении жертве тяжкой муки, физической или психической боли. Признаки, свидетельствующие о наличии в убийстве особой жестокости, включают в себя объективную сторону убийства, совершенного с особой жестокостью и субъективные признаки совершения убийства с применением особой жестокости.

Объективная сторона убийства, совершенного с особой жестокостью:

- способ причинения смерти жертве (применение до убийства или в момент совершения убийства пыток, истязаний, мучений; использование термических, химических, криогенных средств, мучительного яда, кислот, эссенций и иных подобных воздействий; многократное прижизненное поранение жертвы, иные болезненные ощущения; прямой отказ в пощаде потерпевшему, находившемуся в тяжелом состоянии; совершение убийства нескольких индивидов подряд);
- специфическая обстановка – созданная преступником или использованная им (если преступление совершалось на глазах у близких для пострадавшего людей, понимающих что делает преступник; если жертва, находилась в заведомо беспомощном состоянии из-за малолетства или старости, тяжелой болезни, при алкогольном и (или) наркотическом опьянении);
- модель реагирования преступника сразу после завершения преступления (попытка помешать оказать помощь или оставление без оказания помощи пострадавшего, который испытывает тяжелые муки; издевательства над мертвым телом потерпевшего, если только тело не уничтожается либо расчленяется для того, чтобы скрыть совершение преступления).

Субъективными признаками совершения убийства с применением особой жестокости можно считать:

- чрезвычайно бессердечное, лишенное жалости и пощады отношение к жертве и (или) её близким людям;
- наличие мотива особой жестокости, как самоцель убийства;
- понимание преступником того факта, что он своими действиями причиняет существенные физические либо психические муки;
- осознанная преступником возможность того, что его действия причиняют существенные физические либо психические муки;
- наличие прямого умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость;
- наличие косвенного умысла на действия, расценивающиеся как особая жестокость.

Были охарактеризованы убийства, совершенные общеопасным способом.

Общеопасный способ совершения убийства предполагает, способ умышленного причинения смерти жизни жертве, который, как известно субъекту правонарушения, может повлечь смерть не только выбранной жертвы, но и еще минимум одного человека (взрыв, поджог, выстрелы в людных местах, отравление еды и воды, в местах свободного доступа).

Признать способ общеопасным, можно на основе используемых преступником средств совершения преступления, ведь при взрыве гранаты на многолюдной улице, помимо выбранной преступником жертвы, создается опасность для неопределенного множества других людей. Это связано с поражающими свойствами гранаты, которая способна нанести ущерб жизни и здоровью в радиусе десятков либо сотен метров (зависит от вида гранат). Исходя из вышесказанного, раскрывать квалифицированные признаки убийства,

совершенного общепасным способом, начать стоит со средств, которые преступник использовал, совершая преступление. Термин «средство» обозначает:

- приемы, способы проведения действий, направленных на достижение какой-либо цели;

- орудие (приспособление, совокупность механизмов, предметов) для исполнения какой-либо последовательности действий.

Данный термин обобщает все приспособления, орудия, оружие, механизмы, газы, яды, взрывные устройства и тому подобные предметы материального мира, используемые субъектом преступления для его совершения. Средства совершения убийства общепасным способом можно определить в три группы, по признаку поражающих характеристик и тех обстоятельств, в которых они применялись:

- средства, несущие опасность для жизни, как жертвы, так и для других людей во время использования – опасны ситуативно;

- средства, способные поразить неопределенный круг лиц ещё долгое время со времени применения – опасны долговременно;

- средства, поражающие одну жертву из неопределенного множества людей при применении – опасны ограниченно.

Квалифицирующим признаком, характеризующим убийства, совершенное общепасным способом, могут являться первые два вида средств.

Обстановка совершения преступления должна указывать на фактическую опасность для множества людей избранного преступником средства совершения преступления. Преступник должен понимать, что способ убийства в сложившейся на месте обстановке представляет опасность для множества людей.

Указанные квалифицированные составы представляют интерес для дальнейших исследований, поскольку многие вопросы трактовки представленных в национальном законодательстве норм, исключают однозначность толкования и применения. Несмотря на длительную историю состава «убийство» в Российском и мировом праве, а также на большое количество научных работ и разъяснительных правоприменительных документов, динамическое развитие общества и как следствие актуализация дальнейшего уточнения квалифицированных составов приводит к мысли, что, возможно, неверен сам подход к социальной регуляции человека.

Главным правилом толкователя и правоприменителя должно оставаться стремление к индивидуализации каждого случая применения нормы, особенно квалифицированной. Необходимо быть уверенными, что учтены и правильно интерпретированы все обстоятельства дела, а результат деятельности правоохранительных и судебных органов не противоречит закону и здравому смыслу.

В ходе исследования был выявлен ряд проблем, требующих своего разрешения.

1. Проблема необоснованного вменения признака «с особой жестокостью» в ситуациях, когда лицу причиняются повреждения, имеющие внешние признаки мучительных и причиняющих особые страдания, но фактически такими

свойствами не обладающие в связи с бессознательным состоянием потерпевшего или наступления его смерти.

Для решения данной проблемы необходима корректировка Постановления Верховного Суда Российской Федерации № 1-1999 г., которое необходимо дополнить соответствующими разъяснениями о том, что при квалификации действий виновных, совершающих убийство с признаками особой жестокости по способу причинения смерти, необходимо выяснять, в каком состоянии находился потерпевший, в какой мере он чувствовал причиняемые страдания, находился ли в сознании в процессе реализации виновным мучительных действий.

Данный вопрос является важным для формирования единой правоприменительной практики, исключения фактов объективного вменения.

2. Проблема несоответствия конструкции статьи 105 УК РФ тяжести совершаемых убийств, занижения порога наказания за убийство, совершенное с особой жестокостью в присутствии близких потерпевшему лиц.

Для устранения данного пробела предложено статью 105 УК РФ дополнить частью 3, в которую поместить следующие признаки, получающие статус особо квалифицирующих:

- убийство двух и более лиц;
- убийство, совершенное с особой жестокостью в присутствии близких потерпевшему лиц.

Нижний уровень наказания за данные деяния должен составлять 15 лет лишения свободы, верхний уровень - пожизненное лишение свободы (учитывая, что смертная казнь сегодня не применяется). Тем самым один из признаков особой жестокости, во-первых, получит квалифицирующий характер на законодательном уровне. Во-вторых, будет существенно повышено наказание за деяния, представляющие собой повышенную общественную опасность по сравнению с «простым» убийством.

3. Проблема конкуренции норм пунктов «д» и «е» части 2 статьи 105 УК РФ, что уже сегодня вызывает затруднения в вынесении справедливого и обоснованного приговора, создает почву для возможных обжалований приговоров, вынесенных по пунктам «д» или «е». Для решения данной проблемы предлагается объединить признаки «с особой жестокостью» и «общеопасным способом» в пункте «д», который может быть сформулирован следующим образом: «д) совершенное с особой жестокостью, а равно общеопасным способом».

Подобные конструкции имеются в пунктах «б», «в», «ж», «к», «л» части 2 статьи 105 УК РФ, где имеются несколько различных по своему содержанию квалифицирующих признаков, объединенных в единую норму (пункт), что облегчает квалификацию деяния, устраняет конкуренцию и смешение квалифицирующих признаков.

4. Проблема необоснованной квалификации убийства общеопасным способом как причинения смерти по неосторожности.

Для устранения подобных случаев необходимы дополнительные разъяснения Верховного Суда РФ в Постановлении № 1-1999 г., где, в частности, могут быть

приведены следующие положения: «Лицо признается виновным в убийстве, совершенным общеопасным способом, если оно совершило умышленные действия, направленные на уничтожение или повреждение имущества, и если при этом лицо было осведомлено о наличии одного или нескольких лиц на объекте, в отношении которого осуществляется противоправное посягательство».

Такое разъяснение позволит исключить факты неверной квалификации убийства, разграничить убийство и причинение смерти по неосторожности, исключить факты необоснованного освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. – М.: Юрид. лит., 2017.
2. Уголовный Кодекс РСФСР от 08.06.1960 г. «Об основах государственного регулирования уголовного права в СССР» // Российская газета. – 2010. – 23 декабря.
3. Уголовный Кодекс РФ Официальный текст. ФЗ «Уголовный Кодекс РФ с комментариями» // Российская газета. – 2017г. – 11 ноября.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)». – <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>
5. Азаркин, И.М. История юридической мысли России: Курс лекций / И.М. Азаркин. – М.: Либрус, 2016. – 387 с.
6. Андреева, Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: учебное пособие / Л.А. Андреева. – Санкт-Петербург: ЮристЪ, 2020. – 216 с.
7. Безуглов, А.А. Человек и закон. Об ответственности против жизни и здоровья личности: учебник / А.А. Безуглов. – М.: Юридическая литература, 2020. – 321 с.
8. Бородин, С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству: учебник / С.В. Бородин. – М.: Книга, 2018. – 106 с.
9. Бородин, С.В. Квалификация преступлений против жизни: учебник / С.В. Бородин. – М.: Право 2017. – 159 с.
10. Бородин, С.В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву: учебник / С.В. Бородин. – М.: Наука 2021. – 261 с.
11. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права: учебное пособие / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Нижний Новгород, 2014. – 89 с.
12. Володин, Д. Сон и сильная степень опьянения как обстоятельства, свидетельствующие о беспомощном состоянии потерпевшего: учебное пособие / Д. Володин, А. Попов. – М.: Уголовное право, 2017. – 39 с.
13. Галиакбаров, Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом: учебное пособие / Р. Галиакбаров. – М.: Российская юстиция. 2017. – 47 с.
14. Гаухман, Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами: учебное пособие / Л.Д. Гаухман. – М.: Факел, 1969. – 215 с.
15. Гитин, В.Б. Анатомия криминала. Убийство. Изнасилование: Социология. Психология. Хиромантия. Астрология: курс лекций / В.Б. Гитин. – Харьков, 2016. – 95 с.
16. Дементьев, С.В. Понятия беспомощного и бессознательного состояния: лекционный курс / С.В. Дементьев. – М.: Российская юстиция, 2021. – 341 с.
17. Иванова, В.В. Преступное насилие: учебное пособие / В.В. Иванова. – Нижний Новгород: Издательство, 2019. – 203 с.
18. Ивченко, О.А. Зачем Аборигены съели Кука? (Толкование признака-убийство

- в целях использования органов или тканей потерпевшего): ознакомительная лекция / О.А. Ивченко. – М.: Домашний адвокат, 2019. – 35 с.
19. Исаев, И.А. История государства и права России: учебник / И.А. Исаев. – М.: Книга, 2018. – 859 с.
  20. Казанский, П.Е. Власть Всероссийского Императора: учебник / П.Е. Казанский. – М.: Юридическая литература, 1999. – 246 с.
  21. Козаченко, И.Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды: учебное пособие / И.Я. Козаченко. – Томск: Право и правовед, 2016. – 157 с.
  22. Константинов, Л.К. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства: лекция / Л.К. Константинов. – М.: Законность, 2019. – 59 с.
  23. Коньшева, А.Л. Понятие психически беспомощного состояния жертвы преступления: лекции по юридической психологии / А.Л. Коньшева. – М.: Российская юстиция, 2017. – 44 с.
  24. Коробеев, С.А. Простое убийство и сложности его квалификации: учебное пособие / С.А. Коробеев. – М.: Уголовное право, 2019. – 327 с.
  25. Красиков, А.Н. Ответственность за убийство по российскому уголовному праву: учебник / А.Н. Красиков. – Саратов: Законность, 2019. – 186 с.
  26. Красиков, А.Н. Преступления против личности: учебник / А.Н. Красиков. – Саратов: Законность, 2021. – 146 с.
  27. Красиков, А.Н. Преступления против права человека на жизнь: учебное пособие / А.Н. Красиков. – Саратов: Законность, 2021. – 201 с.
  28. Кудрявцев, С.В. Конфликт и насильственное преступление: курс лекций по юридической психологии / С.В. Кудрявцев. – М.: Книга, 2019. – 96 с.
  29. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России: сборник исторических документов / А.Г. Маньков. – Ленинград: Законность, 1980. – 1020 с.
  30. Марогулова, Н.И. Некоторые вопросы квалификации убийства: обзорные лекции по уголовному праву / Н.И. Марогулова. – М.: Солнце, 2017. – 165 с.
  31. Маукевич, Б.И. Уголовно-правовой анализ убийств по найму: методическое пособие / Б.И. Маукевич. – М.: Уголовное право, 2019. – 152 с.
  32. Меркушов, А.Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ: аналитический лекционный обзор / А.Е. Меркушов. – Пермь: Лавьер, 2017. – 64 с.
  33. Насильственная преступность: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Уголовное право, 2020. – 358 с.
  34. Никифоров, А.О. Ответственность за убийство в современном уголовном праве: учебник / А.О. Никифоров. – М.: Книга, 2020. – 270 с.
  35. Никифоров, А.С. Квалифицированное убийство в современном Европейском континентальном и англо-американском уголовном праве: методическое пособие / А.С. Никифоров. – М.: Российское право, 2019. – 56 с.
  36. Побегайло, Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно правовое и криминалистическое исследование: методическое пособие /

- Э.Ф. Побегайло. – Воронеж: ЮрАН, 1965. – 159 с.
37. Попов, А.В. Квалификация убийства, совершенного неоднократно: методическое пособие / А.В. Попов. – М.: Российская юстиция, 2020. – 59 с.
  38. Попов, А.В. Беспомощное состояние потерпевшего должен осознавать убийца, а не потерпевший: методические заметки / А.В. Попов. – М.: Российская юстиция, 2020. – 113 с.
  39. Приговор Хабаровского краевого суда (Хабаровский край) № 2-14/2020 от 28 августа 2020 г. по делу № 2-14/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/VrOWhWOPsZY2/>
  40. Приговор Свердловского областного суда № 2-34/2019 2-5/2020 от 25 августа 2020 г. по делу № 2-34/2019. – <https://sudact.ru/regular/doc/y0KJEbZTw5Uh/>
  41. Приговор Верховного Суда Республики Башкортостан № 2-10/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 2-10/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/oRGueB00RRg3>
  42. Приговор Новокузнецкого районного суда № 1-85/2020 от 17 июля 2020 г. по делу № 1-190/2019. Судебные и нормативные акты РФ. – <http://sudact.ru/regular/doc>
  43. Рогов, В.А. Уголовное наказание и репрессии в России (15–17 вв.): учебное пособие / В.А. Рогов. – М.: Наука, 2017. – 375 с.
  44. Сарыев, Б.С. Ответственность за преступления против жизни и здоровья: курс лекций / Б.С. Сарыев. – Ашхабад: Изгабид, 2018. – 215 с.
  45. Тер-Акопов, А.А. Библейские заповеди: христианство как метаправо современных правовых систем: учебное пособие / А.А. Тер-Акопов. – М.: Российская юстиция, 2016. – 98 с.
  46. Ткаченко, В.К. Толкование закона, по делам об убийствах: лекция / В.К. Ткаченко. – М.: Законность. 2021. – 39 с.
  47. Тяжкие и особо тяжкие преступления квалификация и расследование. Руководство для следователей: учебник / под ред. С.Г. Кехлерова. – М.: Знание, 2018. – 157 с.
  48. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Ф. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 2019. – 461 с.
  49. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Б.Ф. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 2020. – 432 с.
  50. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. З.А. Козаченко. – М.: Наука, 2021. – 506 с.
  51. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.Н. Красикова. – Саратов: Законность, 2019. – 495 с.
  52. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Литмир, 2016. – 536 с.
  53. Уголовное право: учебник / под ред. Л.А. Прохорова. – М.: Либрус, 2021. – 715 с.
  54. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А.М. Рарога. – М.: Наука, 2020. – 384 с.
  55. Юшков, С.В. Русская правда: Происхождение, источники, ее значение: справочное пособие / С.В. Юшков. – М.: Знамя, 1950. – 475 с.